

Игорь Власов

Побочный эффект

Игорь Геннадьевич Власов

Побочный эффект

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29806641

SelfPub; 2018

Аннотация

Что может быть общего у перспективного физика-ядерщика и малолетнего чернокожего карманника? Ничего. Пока в секретной лаборатории не происходит авария на ускорители элементарных частиц. Теперь новоиспеченному тандему предстоит в прямом смысле встать на пути у надвигающегося Армагедонна.

Содержание

1	4
2	12
3	22
4	37
5	49
6	58
7	70
8	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

1

Птица летела неправильно. Это заметно даже с такого жуткого похмелья, закономерно догнавшего меня сегодняшним утром. Лёжа на кровати, которую ненавидел вот уже четвертый год, я пытался сфокусировать зрение на переплете окна. Смотреть на трещины в потолке не очень-то и хотелось. Изученные вдоль и поперек за все это время, они плыли перед глазами при каждом движении головы.

Конечно, я не великий специалист по различению степени похмелья, но, кажется, убиваемый алкоголем мозг сегодня посетило одно из самых выдающихся. Элитное такое. Очаровательное, как Сюзи. Сука.

Еще раз перебрал в памяти события прошлого дня, почему-то уже без горечи вспоминая ранее утро и Сюзан, целующуюся с каким-то малорослым мексиканцем в машине, которая привезла ее к моему дому. Это был верх наглости. Да, тогда меня охватил приступ гнева, не отрицаю. Но хорошо, что я все-таки ее не ударил. А хотелось, ой, как хотелось. Она бы меня засудила.

Зато, видели бы вы лицо Сюзанн, когда в результате долгих звонков в дверь перед ней на крыльцо шлепнулись три ее платья, две ночные пижамы и зубная щетка. Петунью, росшую в большом вазоне на крыльце, конечно же, жалко. Поломало коробкой с плюшевыми игрушками, но несильно так,

точно, выживет. По крайней мере, мне с балкона было незаметно сильных повреждений. А вот позволить жить в моем бунгало зубной щетке, чья хозяйка только что целовалась с каким-то мексиканцем, я уже не мог.

У меня фобия, наверное, но во время учебы в институте в нашей группе был один парень мексиканец. Маленький, вертялый и улыбчивый. Всем бы хорош парнишка, да вот зубы у него были очень гнилые. С тех пор я почему-то подсудно считаю, что у всех мексиканцев плохие зубы. Несправедливо. Нетолерантно. Понимаю. Тем более, понимаю, что их наркобароны могут себе хоть бриллиантовые зубы вставить. Но сделать с собой ничего не могу. А вчера Сью целовалась с таким же мексиканцем за несколько секунд до того, как решила войти в мой дом! Неужели после такого можно оставить ее зубную щетку?

Я шевельнул головой, зачем-то прорисовавшей в мыслях события прошедшего дня, и понял, что вспоминаю совсем не о том, о чем надо. Окружающая комната накренилась, Любимые трещинки на потолке, так удачно складывающиеся в очертания летящей птицы, потеряли четкость, расплылись, а тупая, откровенная и всепроникающая боль пронзила виски с такой силою, что стало жаль алкоголиков, ежевечерне накачивающихся в барах национального парка отдыха. Птица на потолке расплылась. Птица, летящая в светлом проёме окна – не шевельнулась. Наверное, я сам в бар вчера вечером пошел зря. Шевельнув плечами, понял, что кровать все-таки

ненавижу больше, чем Сюзанн. Пить нужно меньше.

Попробовал подняться и вдруг обнаружил, что чувствую себя не на тридцать четыре года от роду, а как минимум на сто двадцать. Болело все. И этот отвратительный звук шелестящей бумаги. Откуда он? Надо ж было так нажраться... Русскую водку запивать мексиканской текилой. И абсентом. Вспомнил! Точно, вспомнил! В баре нашего городка заправляет Василь. А он русский. Причем, не просто русский, а выросший в Сибири. Не знаю, как у него в отношениях с медведями, но с клиентами он обращается просто очаровательно. С добрейшей желтозубой русской улыбкой и рюмкой за счет заведения. Это, я вам скажу, работает куда круче, чем объявление о скидке в девяносто процентов. И беда в том, что вчера я этой уловкой и воспользовался. Потому что Сюзанну вчера вечером возле моих дверей целовал мексиканец. Потому что я одинок вот уже почти четыре года, и хочется, чтобы рядом был кто-то понимающий меня. А ближе всего сейчас – вот эта птица из трещинок в старом, покрашенном белой краской, потолке.

Сейчас таких потолков уже давно не делают, но вот, достался такой раритет. Наверное, справедливо. Кто предоставит элитное жилье третьесортному физику-теоретику в научном городке? Какого сорта неудачник? Вот, третьесортное и получите. И Сью в придачу. И птицу в трещинках на потолке. Которая не улетит никуда. А птица в окне... это неправильно. Я поднял руку, чтобы прикрыть глаза от такого неж-

ного, еще не жаркого поутру аризонского солнца, и понял – что-то здесь не так. Птица летела и не улетала.

Аризона – конечно же, в основном местечко пыльное. И жаркое. Но вот угораздило же меня зависнуть в этих краях на долгих четыре года. А все она, страсть к науке. Где еще сделать карьеру молодому, амбициозному физику, только что окончившему Калифорнийский технологический институт? В своих же пенатах, разумеется. Вы можете презрительно поморщиться, мол, не Гарвард и не Принстон, но я вам скажу главное, господа. Калтех – это NASA. Причем, одна из самых секретных ее частей. Именно здесь учился Харрисон Шмитт, который покатался на «Апполоне-17». И даже в космическом полете ему припомнили старую традицию нашего родного Калтеха, разбудив бедного астронавта на второй день пребывания на Луне незабываемой мелодией «Полёта валькирий». А Сью – сука! Сью традиций не уважала...

Впрочем, сейчас мы довольно далеко от большого Лос-Анджелеса. Здесь, на границе Аризоны и Невады, притаился маленький секретный научный городок, небольшой филиальчик большого дела... Национальный парк отдыха. Озеро Мид разлилось живописными заливами перед возведенной в незапамятные времена плотиной Гувера, замедлив течение до минимума. Несколько частных отелей по берегам водоема, иногда с действительно чудной, хоть и редкой зеленью, не присущей этим местам, но я не ботаник. К флоре почти равнодушен. Да и фауна не очень близка – вот неожи-

данность-то. Физик я. Только в мизантропы не записывайте – человечество люблю. Всё. Кроме Сью.

И наш научный городок замаскирован под частный отель. Такие милые, разноплановые одно и двухэтажные коттеджики, разбросанные по обеим сторонам дороги среди редких зеленых кустов на скалистых берегах Колорадо. Чуждым всему этому уединению и отрешенности кажется только шарообразный купол с широкой прорезью, бельмом торчащий в моем окне над зданием автономной энергетической установки, обеспечивающей независимость от энергии плотины. Читай – над маленьким термоядерным реактором. Долбаная секретность! Особенно смешным это становится при осознании того, что тень от этого дрянного купола немного не дотягивается до дверей бара, где трудится русский Василий. Вы думаете, в Кремле не знают, что под этим куполом? Русские – они сильны национальной идеей. Это мы, американцы, индивидуалисты, делящие людей по принципу везунчик-неудачник. А русские, они – как китайцы. Могут жить массой. В этом их сила, и их слабость. Но водка у них хорошая. А я запивал ее абсентом. И текилой. Международный коктейльчик получился. Летящая птица в нижнем переплете окна до сих пор не шелохнулась... И голова болит. Может быть, неамериканцы умеют разделить свою боль на всех, потому и не так страдают от похмелья?

Я еще раз шевельнул головой и обнаружил в себе способность перетечь в вертикальное положение. Это казалось на-

стоящим чудом на фоне последствий вчерашнего вечера. Голова не воспринимала реальность, даже ни одного звука не было слышно. Но, вот когда я пошевелился на люто ненавидимой кровати, откуда-то раздался странный свистящий звук. Будто кто-то черкнул листом бумаги по полированному столу. Свесив ноги с лежбища, поискал взглядом мягкие махровые тапочки. За пристрастие к ночным пижамам и пушистой домашней обуви постоянно подвергался насмешкам со стороны Сюзанн, хотя она подаренные ночнушки носила с удовольствием. А я ведь на полном серьезе считаю – у меня слишком нежная кожа на ногах, чтобы совать любимые копытца во что попало. Тапочек под кроватью не оказалось.

После сканирования окружающей среды одним глазом, пропажа обнаружилась возле кресла-качалки, стоящего у раскрытого французского окна. И тут я вспомнил, как, вернувшись из бара, долго сидел в этом кресле, созерцая белый и бессмысленный шар над ядерным реактором. Сознание резко прояснилось, проявив вчерашние события как раз до того момента, когда в шар ударила странная зеленая молния. Это было что-то неопишное. Искрящаяся бриллиантовая ветвь, казалось, опустилась с неба и словно мягкой ладошкой накрыла купол энергостанции. Но рваные сгустки энергии, плывшие по белому шару, не исчезли сразу, а сконцентрировались, сужаясь и расширяясь, и вот посреди шара образовалось яркое зеленое пятно, из которого вдруг хлынул сумасшедший, ни с чем несравнимый поток света. Прямо в

моё окно. Это был именно цвет абсента.

Медленно поднявшись с кровати, чтобы не расплескать содержимое головы и мочевого пузыря, побрел к многострадальному креслу и тапочкам. С головой явно творилось что-то неладное. В ушах стоял этот безумный бумажный свист. Внезапно я осознал, что птица над куполом электростанции даже не шевельнулась. Висит себе, и висит... Ни капли спиртного больше.

С размаху сунул ногу в мягкий любимый тапочек и взвыл от боли – он казался каменным на ощупь. Я что, умер? Холодный пот мгновенно выступил по всему вчера перебравшему алкоголя телу, тоненькой струйкой спустился вдоль позвоночника, вернув способность рассуждать логически. Если уж сдох, то выделять пот не сможешь. А тут – даже штаны пижамы стали мокрыми сзади. Надо срочно принять душ, освежиться, потом уже посмотрим, что это такое случилось. Наученный горьким опытом, я медленно сунул ногу в другой тапочек. Как в густой-густой раствор цемента. Но, слава господу, безболезненно. Бросил взгляд в окно – просто проверить, но птица над куполом электроустановки почти не шевельнула крыльями. Разве что, пёрышко на хвосте оттопырилось. Что же я такое вчера выпил?

Странно, но тапочки вдруг стали вести себя по-человечески. Оказались мягкими и удобными, вполне исправно понесли бременное тело в ванную. Если бы еще не этот жуткий свист в ушах, все было бы нормально. Но в ванной ожи-

дал сюрприз: вода не текла. Она тягучей струей выползала из открытого крана, возмущалась и выплескивалась турбулентными формами, словом, издевалась над похмельным физиком, как только могла. Изрядно помучившись с непослушной субстанцией, все-таки удалось намочить полу пижамы. Впитавшись, вода стала водой. Протер глаза промокшей тканью и ужаснулся происходящему. Это что получается-то? Что случилось с этим миром, если вода стала киселём? Или просто у меня галлюцинации? Скорее всего. Чертов абсент...

Возвращение к окну радости не прибавило. Все тот же дикий, раздражающий, бумажный свист при каждом движении. Как будто насвистывает мелодию моих же шагов старая кукушка, живущая в деревянных часах, которые неизвестно сколько лет пылятся на чердаке маленького коттеджа. Нет, это что-то невероятное. И мысли в голову лезут странные. Может быть, вчера в баре какие-то наркотики попали в выпивку? Так некому было их подсовывать. И незачем. У Василя с этим делом серьезно, и хотя временами кажется, что он агент уже несуществующего КГБ, с наркотой русский связываться точно не станет. А больше я в баре ни с кем не общался. Сидел в углу одиноким неудачником и тупо заливал спиртным предательство Сюю.

Потом. Что было потом? Да тоже ничего особенного. Когда и как я вышел из бара – помнилось смутно, но уже по дороге к коттеджу немного пришел в себя, даже хватило сил помахать рукой Мэри и Джо, разгружающим машину. В Лас-Вегас ездили. Они иногда там отвлекаются от трудов научных. Джагдаш Чоудари – прекрасный парень, тоже физик, живет с очаровательной женой Мирой в коттедже напротив. Я их называю просто – «Мэри» и «Джо». Им нравится. Хорошие ребята. С соседями, считаю, повезло. Оба – индийцы, обладатели скромной, но такой милой улыбки. Оба смуг-

лые, но какие-то солнечные, светлые и добрые люди. Вообще, у нас в городке многонациональное население. Почти всех знаю по работе, или здороваемся при встречах. Кроме новых охранников, несколько дней назад в обосновавшихся в дальнем большом коттедже. Невысокая девушка-азиатка, худощавый белый в камуфляже, здоровенный, по самые глаза заросший бородой мужик непонятной национальности. Однажды заметил мелкого типа. Подозреваю, что мексиканец – у меня на них чутье... Все угрюмые какие-то. Улыбаются редко. Регулярно вижу их из другого окна, когда торчат на террасе. Чаще обращаю внимание на девушку-азиатку. Видимо, вьетнамка или кореянка. Привлекательно выглядит. Стройная как тюльпан.

Тем троим, что чаще всего появлялись на террасе, я от скуки придумал прозвища. Девушку назвал – «Люси», в честь актрисы Люси Лиу. Одного из мужчин обозвал Бородачом, по понятным причинам, второго – того, что в камуфляже, нарек «Джоном». Очки у него а ля Джон Леннон. Непонятно, почему еще к работе не приступали. Только «Джон» в форме щеголяет. Может быть, заранее приехали, решили отдохнуть тут заодно? Хорошо у нас в городке, все-таки – территория национального парка отдыха. Зеленая зона. Дышится легче, чем в раскалённых солнцем горах, река рядом, даже кондиционер не нужен круглые сутки. А вот с видом из окон, нужно признать, мне не повезло совершенно.

Я непроизвольно остановился посреди комнаты: в одном

окне скучный шар автономной энергоустановки института с долбанутой, висящей над ним птицей, в другом, напротив – терраса и крыша коттеджа с этими азиатами, за ними – скалы. А у Джо и Мэри окна выходят прямо на широкий залив реки Колорадо. И домик посвежее, посовременнее. Без архаичных потолков. Впрочем, их жильё, соответственно, как и всю центральную улицу, видно только в одном случае – если высунуться в окно почти по пояс. Но сейчас, с такой больной головой, полной галлюцинаций, этого делать совершенно не хотелось. Все же я подошел поближе к окну и тут испугался по-настоящему: на расстоянии вытянутой руки от подоконника в воздухе висела пчела. Огромная, полосатая. Я четко различал не только растущие у нее над глазами, словно надломленные, усики, но и нежный желтый пушок под крыльями. Пчела-убийца. Недавно рой таких тварей насмерть закусал фермера.

Принесла же их нелегкая по нашу душу из Южной Америки. Вывели на свою голову селекционеры, радовались, что насекомые крупные, меда много приносят. Ага. Радость была недолгой. Плоды эксперимента оказались поразительно агрессивными, можно сказать, террористически настроенными особями. И никто не знает, то ли по случайной халатности, то ли преднамеренно, но больше двадцати семей летучих садисток были выпущены на свободу, и понеслась эта зараза к нам. Сейчас они встречаются во всех южных штатах, и это не просто неприятность жаркого климата. Это очень

большая неприятность.

И вот прямо сейчас одно из летучих чудовищ неподвижно висело в воздухе за окном и демонстрировало потрясающе красивую для убийцы внешность. В оцепенении я мог рассмотреть все подробности строения тела пчелы, но не мог сообразить, что делать. Внезапно страх сменился опустошением, будто что-то перегорело внутри, какой-то неведомый предохранитель.

«А, висит и пусть висит, галлюцинация, – отрешенно подумал я, – вот если бы летела, тогда стоило бояться. Главное, не трогать ее. Вдруг, не одна?».

И полный самоотверженности, сопровождаемый привычным бумажным свистом, высунулся наружу. Хорошо, что я не додумался шлепнуть газеткой по этой пчеле, а ведь как раз бы достал. За лидером следовал небольшой, но вполне уютный клубящийся рой таких же крылатых убийц. Почему-то очень захотелось пить, и одновременно с этим на лбу выступил холодный пот. Надо переводиться на Аляску, наверное. Подальше от пчёл и Сюю. И от этой несносной жары.

Я прикрыл окно, в полной уверенности, что теперь огражден от общества насекомых, но вдруг заметил, что закрылась только пластиковая рама. И то, как-то неестественно, со странным перекосом. А стеклянная часть окна вместе с хлипкими крепёжными штапиками осталась на прежнем месте, и висит в комнате в том же, открытом положении. Как будто створку и не закрывали! Нет, эти зависающие глюки

меня сегодня уже достали. Не думая, что могу порезаться, схватил стекло и вдруг почувствовал, что его держит на месте какая-то сила. Там, где приложил усилие, стекло чуть сдвинулось с места, но только краями, центр его оставался неподвижным. Миллионы трещинок медленно поползли от мест прикосновения к середине стеклопакета, заставляя его терять прозрачность. Через пару секунд я уже ощущал в руках что-то похожее на неправильной формы матовый тазик, поставленный на ребро. Висящий в воздухе, разумеется. И никоим образом не желающий перекрыть доступ пчёлам в коттедж.

Нет. Это все неправильно. Мозг полностью отказывался воспринимать происходящее. Это бред. Совершеннейший бред! Нужно срочно сходить к Джо – он видел меня последним. Он друг. Он скажет, в каком состоянии я вчера брел в «палаты белокаменные», как называет свой коттедж Василь. Никогда не поймешь этих русских с их юмором, но он удивительно точен. У русского писателя Чехова есть произведение о жизни сумасшедших, «Палата номер шесть». Кстати, у моего коттеджа и вправду номер – шестой. Все закономерно, я вам скажу. Где еще могут привидеться подобные галлюцинации? Только не говорите про номер тринадцать... Пойдем-ка, Пит, выйдем на свет Божий, под солнышко Аризоны. Хотя, тут и до Невады-то, меньше мили. Если говорить о водных границах. Нет, сейчас не до Невады. Сейчас к Джо. Рискнуть переобуться в таком состоянии я не осмелился. И

слегка толкнул входную дверь. Ага.

«Я же так весь коттедж разнесу!».

Дверь, вначале показавшаяся заклиненной, со следующего толчка повторила судьбу окна, только в собственной интерпретации. Она очень изящно раскололась в местах крепления петель к коробке, но не зависла, как в замедленной съёмке, а стала очень медленно и плавно отлетать от своего законного места куда-то на лужайку, ближе к гаражу. В голове пронеслась дурная мысль о возможном гендерном различии дверей, и что, вот ведь, какая любящая Входная понеслась стремглав к Гаражной въездной... Поэзия прямо. Похмельная.

Деревяннооструганные Сапфо и Родопы с замочными скважинами, не менее. Ключ от коттеджа подходил к обоим замкам. Стоя в утерявшей полотно дверной коробке, я хмыкнул вслух, глядя на этот ключ, висевший на специально прикрученном для него крючке рядом с вешалкой. Да уж. Кому нужны ключи? Сю говорила, что это у меня пунтик такой, типа легкой повернутости на ключах. И вправду, для каждого из них в моем доме есть свой крючочек, она была не так уж и не права. К черту Сю. Пришлось даже уговаривать себя: «Пойдем-ка, дорогой ты мой, Патрик Стюарт, дойдем до Миры с Джагдашем. Пока ты вообще с ума не спрыгнул. Пойдем, Пит. В домашних тапочках. И пижаме. Пока не воссоединились влюбленные двери».

Зачем-то пальцем тронул острую щепку, торчащую из

дверной петли, и удивился глубине укола. Боль отрезвила мгновенно. Эти галлюцинации опасны! Так что, аккуратненько, Пит, аккуратненько. Четыре ступеньки от двери на площадку перед домом. Нормально, тапочки выдерживают. Кто бы мог подумать, что нежным домашним тапочкам придется вышагивать по шершавому жгучему асфальту вокруг клумбы? Но переобуваться и вправду было страшно – пальцы на правой ноге до сих пор ныли от боли. Представляю, что бы случилось, если бы я попробовал обуть армейские берцы. Или, хотя бы, туфли. Так, а вот это – сюрприз...

Медленно падающая дверь коснулась уголком травы газона, отделяющего асфальтированную дорожку от дома, но не остановилась, как бы ей следовало, вспахав несколько сантиметров, а стала едва заметно изгибаться, вибрировать, явно ломаясь через каждый дюйм, но одновременно с тем вгрызаясь глубже и глубже в почву зеленой лужайки. Выглядело это все так, как будто при падении она весила несколько тонн, а не была собрана из брусков и фанеры. И входила в почву под газоном, как раскаленный нож в масло. Небыстро, но уверенно. Ломаясь на щепки в процессе. Это было страшно, но за сегодняшнее утро страшного случилось слишком много, и я уже перестал бояться. Перегорел, что называется. Зато боялся кто-то другой. Входная дверь в гараж оказалась открытой, искореженной в районе замка, и оттуда, из глубины помещения раздался дикий сумасшедший вой.

Я осторожно заглянул в гараж, сопровождаемый надоев-

шим, изрядно усилившимся свистом и едва смог остановиться в домашних тапочках. Было такое впечатление, будто тело несут вперед инерционные силы, какие испытываешь, например, когда сбегаешь по крутой лестнице.

Краем глаза заметил, что моя единственная гордость, любимый шестицилиндровый мотоцикл «Кавасаки» лежит на боку. Почему? Я уронил взгляд на визжащую в углу кучу тряпья. Из нее высывалась черная рука, прикрывающая то, что должно было быть головой. Странно, но я обрадовался – это был первый понятный звук за это утро, если не считать дикого картонного шипения, сопровождавшего с самого момента пробуждения.

– Кто ты?

– Чувак, отвали! – простонал кто-то из кучи тряпья. – Ты сдох, чувак! Все сдохли! Ты зомби! Вали отсюда!

– Так. Орать прекращай. И объясни, кто ты такой и что делаешь в моем гараже?

Впрочем, последний вопрос был явно излишним, поскольку закрывавшая то, что должно было быть головой, черная рука держала ключи от моего «Кавасаки». Ворюга!

– Давай, вставай. И ключи повесь на место, вон, на тот крючок. Вставай!

– Все сдохли! Чувак, ты правда, не зомби? Смотри, весь мир не шевелится!

– Шевелится. Только медленно. Вставай, говорю.

Я посмотрел сквозь проем гаражных ворот на висящую

над куполом птицу и отметил изменение положения крыла. Птица, несомненно, летела. Только летела настолько медленно, что за все это время сделала только половину взмаха.

– Не, чувак, ты правда, недохлый? Мы не сдохли? Че это за дерьмо?

– Живой я, живой. Меня Пит зовут. Ты вот кто?

– Квик.

– А, если по-человечески?

– Алонзо. – сообщил темнокожий тинейджер, одетый в изрядно поношенные джинсы и вытянутую майку. – Алонзо Мозли. Квик – потому что шустрый, кликуха такая. Привык я к ней. – он снова востроился. – Не, мы точно, не сдохли? Вот дерьмо!

– Говорю ж тебе, живые все. Ключи на место повесь, пожалуйста.

– Пожалуйста. – Квик изобразил презрительную гримасу, но все-таки вернул ключи от мотоцикла на положенное им место.

Мы вышли из гаража, даже не попытавшись поднять мотоцикл – после опыта с окном и дверьми я просто побоялся к нему прикасаться. Честно говоря, это единственная дорогая вещь в доме. Моя мечта, моя свобода. Ничего, кроме мотоцикла, не дает сказочного ощущения полета над трассой.

– Вот дерьмо! – снова выругался Квик.

– Чего ругаешься-то?

– Все стало замерзшим дерьмом! И жрать охота!

Я тоже чувствовал все усиливающийся голод, да и похмелье никуда не делось. Оно просто спряталось на время в какой-то дальний уголок мозга, а теперь снова всплыло сжимающей голову резиновой лентой. Холодильник помочь нам был не в состоянии – он пустовал.

– Пошли в бар. Мне пиво нужно. – предложил я.

Алонзо оживился.

– Бар – это круто. И пиво – тоже круто. Погнали!

Я только удивился, насколько молчалива совесть у этого чернокожего парня, только что пытавшегося угнать мой мотоцикл. Квик довольно улыбался и излучал полное радушие и уверенность. А ведь несколько мгновений назад сидел, зажавшись в угол, и визжал, как перепуганный щенок.

– Пошли.

Наученный горьким опытом, я попробовал очень аккуратно прикрыть дверь гаража. Буквально усилием одного пальца. Она сначала не желала сдвигаться с места, но постепенно, словно нехотя, стала менять свое положение. Сразу же отпустил палец, но дверь и не подумала останавливаться, а продолжала безумно медленно ползти дальше, будто обладала огромной инерцией. Следить за ней – все равно, что смотреть на минутную стрелку.

– Это какое-то инерционное поле, – забывшись, пробормотал я вслух, рассматривая свою руку. – Или даже темпоральное. Но уже чересчур фантастично...

– Ты о чем, бро? Какое поле?

– Инерционное. Это не мир замедлился. Это мы с тобой, дорогой ты мой брат по разуму Алонзо, ускорились! Давай-ка, вспоминай, как это все случилось!

– Ну, как... Да вот так это дерьмо и случилось. Двери открыл, гляжу – нехилый аппарат стоит. Ключики вот они. Только хотел ключи в мотоцикл воткнуть да по газам отсюда, как сзади что-то полыхнет зеленым. Я только и успел подумать, что хозяин меня... ну, типа ты, битой приложил по кумполу. Или чем еще похлеще. И вырубился сразу. Очнулся, а тут двери летают... – он потёр коротко стриженную, курчавую шевелюру на затылке и смешно, как-то по-детски

сморщил нос.

Странно, но никакой злости к воришке я не чувствовал. Может быть, именно потому, что кража так до конца и не состоялась?

– Эй, бро. Я так и не понял. – на лице парня появилось задумчивое выражение. – Ты говоришь, что это все нормально, – он неопределенно мотнул головой куда-то в сторону. – Вот эти вот все зомби, будь они не ладны! Они, значит, нормальные. А мы, по-твоему, стали ненормальными?

– Что-то нас ускорило, понимаешь? Мы стали двигаться и жить быстрее, а остальные люди живут нормально, как и прежде.

Квик остановился и тупо уставился на меня.

– Нормально!.. Сказал тоже! – он недоверчиво усмехнулся и, вдруг схватив меня за руку, потянул за собой.

Мы быстрым шагом пересекли улицу. Квик вцепился в рукав, словно боясь, что я испарюсь, и он останется один на один с этим странным миром. Алонзо явно направлялся к коттеджу Майкла и Мигеля. Майкл работал в соседнем отделе. Они там как раз занимались обслуживанием ускорителя. А Мигель был его другом. Ну, в общем, они давно жили вместе. Мигель в молодости играл за Аризонских Кардиналов¹ и знал много спортивных баек.

¹ Аризонна Кардиналс (англ. Arizona Cardinals, «Аризонские Кардиналы») – профессиональный клуб по американскому футболу, выступающий в Национальной футбольной лиге. Команда была основана в 1898 году.

Мы завернули за угол и оказались, аккуратно, возле открытого гаража Майкла. Судя по мизансцене, тот как раз выгнал из него «Мустанг» и что-то оживленно пытался втолковать Мигелю, вышедшему проводить его на работу. Трудно сказать, что эту парочку связывало. Майкл был занудливым педантом. По слухам, сослуживцы его сторонились, да и мое общение с соседом ограничивалось сухим приветствием при встрече.

Квик несколько раз с задумчивым видом обошел обе застывшие фигуры. А я не удержался и улыбнулся. Выглядели они и впрямь комично. Майкл с сердитым видом что-то выговаривал возвышающемуся над ним на две головы Мигелю. Взмах руки бывшего спортсмена позволял предположить, что он от чего-то отказывается, либо не согласен. Но, поскольку этот взмах выглядел бесконечно растянутым во времени, могло показаться, что Мигель хочет ударить Майкла.

Наконец Квик перестал нарезать вокруг них круги и остановился.

– Вот гляди. – он шагнул вперед. – Я иду, а этот стоит. И рот как дурак разинул. (Майкл тем временем опять начал бесконечно медленно раскрывать рот.) А ты говоришь «нормально».

– Ну и что же? Просто мы очень быстро двигаемся и чувствуем. Поэтому нам кажется, что все другие неподвижны.

– Все это странно, бро...

– Ладно, пошли куда шли, я тебе по дороге попытаюсь все объяснить.

Мы пошли обратно в сторону бара Василя, и я с умным видом принялся растолковать Квику тот раздел классической физики, который трактует вопросы движения и скорости.

– Абсолютной скорости не бывает, понимаешь? Скорость тела высчитывается относительно другого объекта, который мы условно считаем неподвижным. По каким-то причинам, изменилась наша скорость относительно Земли. А у других людей она осталась прежней. Поэтому нам и кажется, что они стоят на месте...

Квик взглянул с подозрительностью человека, которому на распродаже пытаются всучить просроченный товар.

– Вот представь себе, например, что ты едешь в автомобиле со скоростью шестьдесят миль в час. – на всякий случай взглянул на реакцию спутника, надеясь, что тот успевает следить за объяснением. – Представил?

– А какой автомобиль? – вдруг спросил он.

Теперь пришла моя очередь тупо смотреть на Алонзо.

– Ну, это смотря какой автомобиль. – солидно произнес парнишка. – Если это какой-то древний корвет, то да. Больше и не выжмешь. – Квик мечтательно почесал затылок, – А вот если Стингрэй си-севен этого года выпуска, то тогда не меньше ста пятидесяти.

– Ладно, – ничего не оставалось, как принять правила иг-

ры. – Пусть будет сто пятьдесят миль в час. Но это будет скорость машины относительно земли, верно? – в ответ Алонзо пожал плечами. – А если рядом с твоей машиной идет другая, со скоростью скажем сто сорок миль в час, то относительно нее твоя скорость будет уже только десять. Правильно?

Он нахмурил лоб и засопел, усиленно соображая:

– А на спидометре?

– Что – на спидометре?

– А спидометр сколько показывает?

– На спидометре твоего Стингрэя си-севен будет, конечно, сто пятьдесят. Но ведь это относительно земли...

– Ну, вот же, сто пятьдесят! А ты говоришь – десять. – он усмехнулся, как человек, окончательно посрамивший противника.

Я было уже собрался начать новое рассуждение, но увидел, что парень не испытывает ни малейшего интереса к предмету разговора.

У случайного знакомого полностью отсутствовала способность абстрактно мыслить. Он совершенно не понимал элементарных вещей и, похоже, думал, что его пытаются обвести вокруг пальца.

Когда мы почти поравнялись с моим домом, оказалось, что в голове парнишки все же происходила какая-то мыслительная работа.

– Значит, мы быстро, а они медленно?

– Кто «они»? – спросил я.

– Ну, вообще... Это. – он обвел рукой широкий круг, показывая, что имеет в виду все, что видит вокруг, а, возможно и человечество в целом.

– Конечно, гораздо медленнее, чем мы.

Квик задумался:

– Выходит, что им нас не поймать?

– Не поймать, – ответил я неуверенно. – А зачем, собственно, нас ловить? Никто и не собирается скрываться.

Алонзо засмеялся, взглянув с хитрецей, выдал:

– Вау, да это ведь круто, чувак! Мы самые быстрые в мире! – и потом продолжил без перехода: – Только мы ж собирались пойти пожрать.

Поразительно, как быстро менялось настроение случайного знакомого. Идея была здоровой, но для ее реализации не хватало самой малости.

– Сейчас, только переоденусь и бумажник возьму. Как видишь, я еще в пижаме и не имею привычки набивать ее карманы деньгами на сон грядущий.

– Ну, давай тогда шустрее, бро! Я тебя вон там, на качелях подожду.

Шустрее не получилось. Процесс снятия пижамы напомнил раздевание в бетоне: та часть ткани, что касалась тела, скользила свободно, но как только отдалялась хоть на миллиметр, становилась все непослушнее и дубовее. Я физически ощущал, насколько далеко простирается это непонятное

инерционное или временное поле, захватившее в плен родную телесную оболочку. Буквально, сантиметров на пять, не больше. Тем не менее, изрядно помучившись, все-таки смог избавиться от пижамы, хотя и порвал ее в нескольких местах. Шорты пришлось вначале прижать к ногам, и уже потом постепенно вползать в них. Подобным же образом поступил с майкой – предельно осторожно, но чертыхаясь, на чем свет стоит. Даже целую одел, не порвал. А еще хотел в Аляску переезжать. Случись такая фигня на Аляске – вот бы я замазая теплую куртку и ботинки одевать. Столь же осторожно обойдясь с легкими кожаными мокасами, удалось почти безболезненно обуться. Уже привычно-тягучий процесс извлечения бумажника из спортивной сумки не занял много времени.

Квик терпеливо ждал возле качелей, стоящих на границе газона и пешеходной дорожки. Качели эти остались от прежних владельцев коттеджа, но я не спешил их убирать. Мало ли чего случается, говорят, дети – штука внезапная.

– Они не качаются. – завидев меня, обиженно бросил Алонзо: – Дерьмо! Они не качаются. Я люблю качели!

– Я тоже люблю качели, Квик!

– Дерьмово, что они не качаются, но это круто – быть таким быстрым. Смотри, чувак! – и он помахал у меня перед носом пластиковой карточкой.

– Платиновая, понял? И этот лох на ней код написал, запомнить не может! – презрительно воскликнул Квик, кивнув

головой в сторону улицы. По проезжей части со скоростью улитки мчался серебристый «Понтиак» с откидным верхом. Седой, импозантный мужчина легко и уверенно вел машину одной левою, а правой держал за руку сидящую рядом девушку. Ее ярко-рыжие волосы трепал встречный ветер, но для нас она была практически неподвижна.

– Ты их ограбил, Квик?!

– Так этот лох ничего и не заметил. Смотри, он даже не видит меня! – Алонзо подошел вплотную к кабриолету и помахал рукой перед глазами водителя. Тот не пошевелинулся.

– Квик, ты не понял. Зачем их грабить? Ты же вор! И ни капли не стыдно!?

– А ты попробуй, бро, не воруя, вырасти в черном квартале. – внезапно ощерился парень, и я понял, что говорить с ним на эту тему бесполезно. Совершенно другая мораль. Другие устои и взгляды. Но, кроме Квика на данный момент поговорить было вовсе не с кем. Придется терпеть его общество. Вот уж повезло, так повезло.

– Пошли в бар, – сказал я, и Квик с легкостью согласился, мгновенно сменив настроение на благодушное и почти дружеское:

– Точняк, погнали, бро! А то уже кишка кишке бьёт по башке! – он заразительно засмеялся, и мы двинулись в сторону висящей над куполом энергоустановки птице.

За все это время она успела сделать несколько взмахов крыльями – отметил я. Если бы точно знать – сколько, то ее

можно было бы использовать как импровизированные часы. Субъективно, по моим ощущениям, с момента пробуждения прошло максимум полчаса. Во сколько же раз мы с Квиком движемся быстрее всего остального мира? В триста-четыре-ста? Где-то так получается. А сколько тогда энергии тратим? Ах, вот она в чём, причина этого дикого голода...

Бар Василя в это время уже открыт – сотрудники нашего института частенько забегают в его кондиционированный уют на утренний кофе. А перебравшие вчера по поводу какой-то там Сю – на утреннее пиво. Я тихонько усмехнулся. Все недавно случившиеся в личной жизни перипетии внезапно отошли на второй план, исчезли куда-то. Какая там, к черту, Сюзанн? Она совсем ничего не значит! Вообще, весь мир ничего не значит! Остался только я и вот этот темнокожий дружелюбный воришка. Идет себе рядом, песенку на свистывает. Рэп похоже. Слава Господу, со слухом у него все в порядке, не фальшивит. И хоть как-то оттеняет этот уже привычный, бумажный шум ветра, сопровождающий сегодняшнее странное утро.

Тут мне неожиданно пришла в голову одна мысль. Начисто забыв про Квика я остановился, присел прямо на бордюр тротуара и уставился на ручные часы, которые так и не снял со вчерашнего вечера.

Целых пять минут – я считал по своему пульсу – смотрел на секундную стрелку и наконец убедился, что она движется и что она прошла за это время одну секунду.

Секунда, и моих, хотя и приблизительных, пять минут!

Выходило, что мир замедлился в триста раз. Или точнее мы, ускорились в той же пропорции. Мне стало дурно, но я продолжил свои вычисления.

Средняя скорость человека – три мили в час. Делим на шестьдесят минут, потом на шестьдесят секунд – имеем где-то чуть меньше четырех с половиной футов в секунду. Мы только что выяснили, что живем в триста раз быстрее остального мира. Умножаем и получаем почти девятьсот миль в час! Это сверхзвуковая скорость. Понятно, отчего воздух вокруг так свистит. И резко остановиться невозможно – инерция несет дальше. Приходится замедлять шаги перед остановкой, но это умение пришло как-то само собой. Видимо, в человеческом мозгу встроены какие-то предохранители именно для этого случая. Сомневаюсь, что мы с Квиком первые и единственные представители человечества, попавшие в такую передрыгу. Темна и полна недосказанности людская история.

От всех этих размышлений отвлекла очередная порция ругательств Алонзо, остановившегося возле банкомата на входе в бар. Я присмотрелся и чуть не рассмеялся в голос: парень с огромным усердием пытался вставить в прорезь банкомата украденную пластиковую карточку, пыхтел и морщил свой круглый нос.

– Твою мать! Дерьмо! Да чтоб вы все сдохли! – орал он, но упрямый механизм не желал принять кусочек пластика

вовнутрь. Я прикинул, что сейчас творится в мозгу у Квика – вот ведь, в руках карточка. Вот пинкод от нее. Владелец еще когда хватится пропажи. А денег не снять! Представляю расстройство бедного вора.

Я прошел внутрь бара, обогнул высившуюся за стойкой статую Василя, очень аккуратно, чтобы не порвать, взял с полки две банки пива и вышел к продолжавшему изливаться гнев Алонзо.

– Держи.

Он схватил банку, все еще находясь во власти благородного воровского гнева, открыл и жадно присосался к живой влаге. Я не преминул последовать его примеру. С каждым глотком расцветка мира приобретала новую яркость – из серого похмельного он потихоньку превращался в цветной и уютный. Несмотря на это чертово ускорение.

– Алонзо, а зачем тебе деньги?

И этот вопрос напрочь добил парня.

– Как? – только и смог вымолвить он, даже забыв о ругательствах.

– Так. Будь другом, сходи, возьми там еще пару банок пива. Только сначала обхвати ее ладонью, чтобы она как бы приросла к тебе, и тяни медленно, а то порвешь. Что-то быстро пиво в банке закончилось.

Потрясенный до глубины души Алонзо покорно исчез в темном дверном проеме, и вскоре появился с двумя новыми банками пива.

– Это че... Это что ж получается? Это деньги не нужны что ли, бро? Деньги??? Деньги!!! – и он захохотал, как безумный, кружась и приседая на каждом шагу. – Деньги!!!!

– Побочный эффект ускорения. Пиво-то давай, – в ответ рассмеялся я, и мы вполне дружески одновременно щелкнули жестяными колечками на банках. Но если с пивом все было нормально, то процесс поедания салата вызывал определенные трудности. Все та же пятисантиметровая граница поля, окутывающего наши тела, заставляла буквально вытаскивать вилкой кусочки салата из их сомнамбулического состояния. В конце концов пришлось взять вилку чуть ли не за сами зубья, тогда дело пошло куда продуктивнее. Алонзо не стал заморачиваться с салатом, и ухватился сразу за стейк филе-миньон, парочку которых умыкнул прямо из духового шкафа. Блаженно жмуря глаза, Квик откусывал большими кусками, зажав мясо в кулаках и никаких проблем с разницей во времени не испытывал – глубины временного поля хватало на весь стейк.

– Жарко вот только, – пожаловался Алонзо в перерыве между циклами поглощения пищи, – искупаться бы.

– пляж-то, рукой подать, – я показал в направлении водохранилища Мид. И вправду, пляж у нас был недалеко, правда узенький и совсем небольшой, зажатый между прибрежных скал Колорадо. Я не любил его за непредсказуемость глубины, хотя, на самом деле это была вина не пляжа. Просто уровень реки Колорадо часто меняется. В период низкой во-

ды, конечно, красиво смотрятся прибрежные скалы – по ним широкой белой полосой отмечена граница высокой воды. А когда уровень реки падает до минимума, среди водохранилища становятся видны руины затопленного города. Жутко и романтично.

– А погнали, бро! Ща, только еще пива прихвачу. Жарко!

– Куда в тебя лезет-то, – улыбнулся я, представив, как Квик сейчас попытается искупаться. Я-то сегодня уже имел опыт с умыванием. Жара и вправду была совсем не утренней. А все из-за скорости передвижения, поэтому против пива возражений не последовало. Залитое пенным напитком похмелье унеслось куда-то в прошлое, оставив после себя только легкую слабость и несильное состояние опьянения, так что еще одна баночка вряд ли повредит. Я ж не алкоголик. Просто пиво люблю. Да вот вчера еще эта размолвочка с сучкой... ай, ну ее. Лучше не вспоминать.

Путь до залива занял совсем немного времени, и на счастье, в это время года вода высокая. Это значит, не нужно ползти по белесым камням куда-то вниз, к благословленной жидкости, из которой когда-то вышли все мы. Едва пришел на пляж – вот тебе сразу и вода. Здорово.

Квик растаял от удовольствия, увидев озеро, и забыл обо всем. Да еще и выпитое возымело действие. Он выпустил из рук банку и, как был, не раздеваясь, побежал к воде, намереваясь прошлепать по мели и упасть в живительную влагу там, где поглубже.

– Стой, дурак! – заорал я, успев на лету подхватить одну, все более замедляющуюся банку, но было поздно. Квик успел сделать пару шагов по воде, поскользнулся, словно на льду, и покатился по поверхности озера, будто хоккейная шайба.

– Эт че за дерьмо? – взвыл он, встав на колени и протягивая к берегу руки.

Ну, ни дать ни взять, молящийся грешник! Тем временем, его колени медленно, но уверенно погружались в воду.

– Вылезай быстрее, Алонзо! Бегом сюда. Утонешь же!

До парня дошла серьезность положения, он взвизгнул и, буксуя, на всех четырех конечностях рванул с глубокого места к берегу. Так и добежал на четвереньках, как дорвавшийся до прогулки терьер. Тяжело дыша, сел рядом на камешек. В глазах испуг. Понял, что засосало бы его в воду, как в болото. Испугался.

– Да. Не получится из тебя Христа. – ухмыльнулся я. – Тот по воде на двух ногах ходил.

– Дерьмо. Больно, оказывается! – пожаловался Квик, потирая ушибленные локти и полностью игнорируя подколку.

Именно в этот момент вторая, так и не пойманная банка пива, достигла скальной породы, начала вжиматься, вминаться в нее, дала трещину. Я философски открыл другую, сделал несколько глотков и передал незадачливому купальщику:

– На, остынь немножко.

– Пиво жалко, – пробормотал Квик, следя взглядом за сминающейся банкой. Из нее медленно росла желтая, начавшая пениться, кудрявая струя.

– Пей это пока. Фонтанчик вырастет немножко – можно будет успеть и к нему приложиться. Мы ж с тобой быстрые.

– Точняк! А я и забыл! – радостно воскликнул Квик, и я уже не удивился резкой смене его настроения. Все-таки, жизнерадостные ребята эти афроамериканцы. Вот все вокруг будет плохо, а он найдет самую маленькую причину посмеяться, и будет счастлив! Здорово ведь, если разобраться.

– Слушай, бро... а штаны-то у меня намокли.

Я чуть не поперхнулся.

– А ведь ты прав, Квик. Если намочить одежду – будет не так жарко.

Медленно поднялся и подошел к краю воды. Трудно заставить себя войти в эту гладкую блестящую поверхность, казалось, способную растворить все, что угодно, но отогнав эти бредовые мысли, шагнул в воду. Точнее, наступил на нее. Пленка поверхностного натяжения плавно и мягко прогнулась под ступнёй, и я практически увидел границу инерционного поля, окутывавшего тело. Вот оно, под пяткой – ощущение воды. А дальше – как будто бы гуще, гуще и гуще, словно погружаешься в многослойную жидкость. Помнится, на каком-то опыте в институте, куда притащил меня коллега Джагдаш, была ванна с десятком несмешиваемых жидкостей. Чем ниже, тем плотнее. Очень похоже. Ладно, будем экспериментировать.

Немного посомневавшись, и зачем-то прикрыв руками гениталии, я, как был в шортах, так и сел пятой точкой в воду.

– Яйца бережешь, бро? – раздался веселый голос Квика.

– Знаешь, почему-то кажется, что они еще понадобятся!

Это было чудесное, непередаваемо приятное ощущение. Вода медленно входила в контакт с окружающим тело невообразимым временным полем, и, продвигаясь ближе к коже,

ускорялась до моего уровня восприятия действительности. Шорты намокли, как это и должно быть в нормальной обстановке, а задница еще не коснулась дна. Блаженство... Словно сидишь в смузи из охлажденных ягод. Даже вздохнул от удовольствия и лег на воду всем телом. Разумеется, старательно проследив за глубиной. Я так скажу, что водяной матрац в коттедже у Сюзанны – жалкое подобие подобного купания. Майка начала медленно пропитываться водой, жара схлынула, и я почувствовал себя благородным дельфином, нежащимся в прибрежной акватории. Ага. Хорош дельфинчик. На границе Аризоны и Невады. Пива надо пить меньше.

Повернулся, лежа в воде, и она, обнимая тело, медленно стала формировать новую пластичную конструкцию, мягкую и влажную. Безумно приятно. Зря думал, что купание в ускоренном состоянии не может принести удовольствия. Вода – великая штука. Не зря мы все из нее вышли. Все мы. Вся жизнь. Сколько в нас воды? Столько же, сколько в огурце. Восемьдесят процентов.

На берегу Квик развлекался тем, что ловил губами оторвавшиеся от основного фонтанчика ярко-желтые, на глазах покрывающиеся пузырьками пены, крупные капли пива. Сам фонтанчик, бьющий из наполовину смявшейся банки, вырос уже почти до полуметра. Я вышел из воды и присоединился к приятелю.

Это было по-настоящему круто. Большие круглые капли пива медленно вращались в воздухе, и поймать их губами

не составляло никакого труда. Попад в рот, эти пивные камни под воздействием окутывающего наши тела ускоряющего поля достаточно быстро таяли, вскипая на языке, превращались в легкий освежающий и пьянящий напиток. Такого блаженства я не испытывал никогда...

Когда мы покинули пляж и двинулись в обратный путь, острота первых впечатлений от нежданно свалившихся на голову чудес, несколько притупилась. Я начал замечать то, на что прежде не успел обратить внимания.

Во-первых, нам обоим с трудом давался первый шаг. Было такое чувство, как если бы мы пытались шагнуть в воде или в какой-нибудь настолько же плотной среде. Приходилось довольно сильно напрягать мускулы бедра. Но потом сопротивление исчезало, и мы шли уже нормально.

Во-вторых, при каждом шаге происходило небольшое зависание в воздухе. Опять-таки, как если бы мы двигались в воде. Особенно это было заметно в моем случае, в силу присущей мне подпрыгивающей походки.

Чувствовал, что со стороны напоминаю танцора в балете, который не шагает, а совершает бесконечный ряд длинных и плавных прыжков.

Создавалось ощущение, что воздух стал плотнее. Казалось, в него налили хитрый реактив, который оставил его как прежде прозрачным и пригодным для дыхания, но сделал гораздо гуще.

И, наконец, ветер. Едва мы начинали двигаться, как воз-

никал сильный ветер, а когда останавливались, он мгновенно стихал....

За все это время «Понтиак» с обворованным джентльменом и рыжеволосой красавицей переместился не более, чем на два десятка метров. Птица-индикатор сдвинулась из надкупольного пространства в сторону крыши бара. Из недавно заселенного коттеджа, ближайшего к бару, успела выйти симпатичная молодая девушка, и теперь целеустремленно и безумно медленно шагала к проезжей части. Видимо, о ней говорили позавчера, как о подающей надежды практикантке. Нет, очень даже ничего. Такая фигуристая блондинка. Только росточком маловата. Если и вправду – не дура, то это просто чудо. Мать природа обычно награждает либо умом, либо внешностью. То и другое одновременно редко кому достается. С другой стороны, дураков в наше заведение как-то не берут. Процветает дискриминация по интеллектуальному признаку.

Тем временем, Квик, основательно подобревший и слегка намокший, с явным удовольствием шагал по пешеходной тропинке вдоль трассы, насвистывал очередную мелодию и даже помогал себе руками, почти профессионально дирижируя. Пиво настроило парня на благодушный лад, и даже мокрые штаны уже не портили настроения. В какую-то минуту просто стало завидно, что вот, оказывается, можно жить так просто и беспроблемно, совершенно не задумываясь о будущем. Вот, прямо сейчас все потребности удовлетворены,

а что еще требуется для жизни? Собственной значимости в обществе, которую именуют самореализацией? Да нет сейчас никакого общества. Есть только мы с Квиком. Двое. Живые. А весь мир замёрз!

Я тряхнул головой, возвращаясь в реальность. Мир-то. Он живёт. Дайте мне точку опоры, и можно перевернуть Землю, да? Вот и с нами то же самое. Восприятие считает нормой собственное состояние, а не мироощущение. Эгоцентризм такой. Да какая разница, мы ускорились, или мир замедлился? Нужно принять за данность тот факт, что у нас с ним теперь просто разная скорость жизни. И всё. Стоп...

Это что получается? Вот этот респектабельный мужичок в лимузине, его красotka. Джо и Мэри... Даже Сюзанна! Даже эта сучка Сью! Они что, будут вот так просто жить и жить дальше, а мы с Квиком скоренько так сдохнем, состарившись за несколько дней? Я так не хочу!

Даже передернуло от подобных мыслей, а вышагивающий как на параде Алонзо не думал ни о чем, блаженно улыбаясь до сих пор замершему над горизонтом солнцу. Вот же, дитя рассвета.

– Эй, бро. А как нам, ускоренным, с бабами-то?

Вот здесь он одним вопросом поставил в тупик. Я неопределенно пожал плечами, игнорируя его заинтересованность, но Квик не унимался.

– Ну, гляди. Вишь, какая крутая тёлка у того чмошника? Он че, заслужил ее, да?

Парень добежал до «Понтиака» и пристроил физиономию рядом с лицом рыжей красавицы.

– Ха! Бро, у тебя случайно нет полароида, а?

Я в недоумении только пожал плечами.

– Жаль, а то прикинь, если эту фотку чуваку в кошелек засунуть вместо карточки! Вот он обалдеет-то!

– Ну что за мысли у тебя, Квик?

– Чувак. Ты прикинь! Такой бабец! Глянь, какие у нее сиськи!

И Алонзо положил руку на грудь рыжеволосой красавицы, но тут же отдернул ее.

– Твою мать! Дерьмо! Она ж как статуя! Холодная и каменная!

– Ну и скотина же ты, Квик... – непроизвольно озвучил то, что думаю.

Приятель обиделся:

– Че? А ты, крутой, да? Благородный, да? А кто пиво в баре слямзил? Ты чем-то лучше меня, да? Или тем, что белый, а я чёрный?

– Квик, иди отсюда подобру-поздорову, а?

– Все вы такие, «снежки» чертовы! Чистоплюи!

– Квик... – запоздало понял оплошность, втайне надеясь, что настроение парня в следующий момент изменится.

– Да пошел ты в задницу, герой недоделанный. Благородненький нашелся.

Квик демонстративно плюнул под колесо автомобиля и

двинулся вдоль улицы в противоположную сторону. Через несколько шагов обернулся и еще раз прокричал:

– Чистоплюй!

Честно говоря, я был даже удивлен отсутствием ругани в его речи.

«Так. К чёрту Квика. Отбрасываем в сторону воздействие пива. Трезвеем. Что имеем в сухом остатке? Лимузин с обворованными любовниками. Сворованное в баре пиво и стейки. Разгромленный коттедж. Ну, да, хорошенькое начало дня. Сплошной криминал. И тут еще эта несносная птица, оп-па... А птица уже далеко. Зато почти на ее место переместился пчелиный рой. Вот радости-то... Хрень какая. А если подумать, что именно со мной и Квиком случилось? Показывал Джагдаш как-то, над чем работает. Дело, конечно секретное, но допуск и у меня есть. Ну не «А» конечно, как у него, а «D», но тоже скажу вам, столько бумаг заставили подписать, согласий всяких о неразглашении и тому подобное. Да и так понятно, над термоядом их отдел работал. Об этом все, даже офисные уборщики знали. Интересно, а их тоже заставляли подписывать бумаги о неразглашении?».

Термоядерный синтез, да еще и управляемый, это конечно прорыв для всего человечества. Можно сказать, неиссякаемый источник дармовой энергии. Ускоритель у них там стоял, ну не адронный коллайдер конечно, меньше значительно, но какой-то принцип у него более современный. Позволял разгонять частицы не хуже, чем тот, который в Швейцарии.

Ускоритель. Тут в голову пришла шальная мысль. Точнее ассоциация. Ускоритель частиц и ускоритель людей. Ерунда какая-то. Даже непроизвольно оглянулся, не подслушивает ли кто сейчас полупьяные мысли. «Ускоритель людей». За такую крамолу не только из лаборатории по собственному желанию попросят, тут, пожалуй, и из науки придется уйти. Бред какой-то в голову лезет. Вроде физик-теоретик, а мысли как у третьеклассника. Но, черт побери, мы же с Квиком ускоренные! Вопреки всем законам классической физики. И к черту всех этих корифеев от науки!

Немного успокоился и решил мыслить логически. Признаться, сегодня утром это плохо получалось. «Что могло произойти? – в который уже раз задал себе вопрос. – Может быть, русские или китайцы сбросили на Америку жутко секретную страшную бомбу? Аккурат над моим коттеджем? Или, может быть, наша планета пролетела через некий сгусток космической материи, который остановил или замедлил все на земле? Но почему же тогда я и мой новоявленный друг остались таким же, как прежде? А может быть, это бред, или просто-напросто сон?».

Слишком уж много впечатлений для сна. Палец, который поранил об острую щепку, торчащую из дверной петли многострадальной входной двери, саднило, и на нем уже образовалась маленькая гнойная ранка. Да и вообще, все кругом было слишком реальным, чтобы казаться сном.

В состоянии сна или бреда – в эфемерном, кажущемся ми-

ре – человеку бывает доступно далеко не все. Иногда не может, например, убежать от того, кто за ним гонится; иногда, наоборот, не в состоянии догнать того, кого сам преследует. Всегда есть какие-то ограничения. А тут все было просто и естественно. Я стоял посреди улицы, позади был мой дом – при желании можно оглянуться и увидеть его. Можно сесть, встать, протянуть руку и опустить ее. Меня никто не преследовал, и я сам ни за кем не гнался. И тем не менее – был единственным двигающимся человеком в остановившемся, застывшем мире. Ну, не считая собрата по несчастью. Как будто мы с Квиком попали в кинофильм, рассказывающий о замедлившемся времени. «Хороший, черт побери, блокбастер получается. Жаль зрителей только – я, да малолетний воришка. М-да, ситуация в стиле Спилберга, не иначе. А не пойти ли к единственному на данный момент другу? Кто еще поймет, что вот такое случилось? Почему именно со мной-то, а? Так. Спокоен, спокоен... Я абсолютно спокоен. Именно так и учил Джо. Есть, все-таки у них, у индийцев, своя правда жизни. Необычная какая-то, неприемлемая порой. Но – правда».

Крылечко из трех ступенек только с виду выглядело крепким. Кто бы мог подумать, что зацепившись мокасином за ступеньку, можно так разнести веранду? Даже не представляю, как в моём положении оправдаться перед Джагдашем и Мирой... Упал, запнувшись, и двигавшееся по инерции тело просто снесло половину бамбуковой стены перед входом. А

Джо так гордился, что у него здесь, в Америке, все как на родине. Помню, с каким наслаждением обустроивал коттедж в индийском стиле. А я... вот... И даже не сильно больно.

Дом Джагдаша и Мэри заполнился уже привычным свистом рассекаемого воздуха. Странно, что, находясь на улице, перестаешь его замечать. В помещении этот звук был куда пронзительнее. И противнее.

Хозяева уже не спали. Меня никто не мог видеть и остановить, поэтому чувствовал себя незваным гостем и боялся оказаться невольным свидетелем каких-нибудь маленьких семейных тайн.

Я почему-то представил, что увижу друзей, занимающихся ранним утром любовью в постели, и на душе стало как-то нехорошо. А вдруг, еще и в туалете застану. Такая статуя с вытаращенными глазами. Нет, так нельзя. Друзья – они друзья. Они имеют право на личную жизнь, включая секс и чистку зубов. И подглядывать за ними в это время не нужно. Как здорово, что рядом нет Алонзо.

Джо сидел за открытым ноутбуком, полностью увлеченный какой-то идеей. Он не раз говорил, что все важные моменты сняты ночами, а с утра он вскакивает и пытается записать приснившееся. Мне бы так. Хотя, редко что серьезное снится. А тут еще Мэри. Несет ему кружечку кофе. Ну почему мне никто не приносит кофе по утрам? Халатик у индийской красавицы слегка открыт при движении, и заметно ее тугую, крепкую грудь с маленьким, тёмно-коричневым

соском.

Это я все охватил одним быстрым взглядом, но в следующий момент впал в легкий ступор. Покопавшись в ощущениях, вдруг понял, что очень трудно заставить себя воспринимать друзей как живых людей.

Сейчас Джо казался просто манекеном, отлично сделанной куклой, сохранившей полное сходство с живым Джагдашем. Он сидел, уткнувшись в ноутбук и притворялся, будто способен на нем работать.

Чертовской штукой оказалась эта трехсоткратная разница в скорости жизни. Мы никогда не задумываемся, что всех родственников и знакомых воспринимаем только в движении. Но именно движение и придает то обаяние, которым они обладают. Постоянное движение мускулов лица, движение мысли, которое отражается в глазах и опять-таки на лице, жесты, какие-то неуловимые токи, исходящие постоянно от живого человека. Хороший художник отличается от плохого как раз тем, что умеет схватить это внутреннее и внешнее движение на лице своей модели.

А сейчас на лице Джо не проявлялось движения. Я знал, что оно есть. Но оно было слишком замедленно, чтобы его заметить. Бездушная кукла – вот чем он казался.

Встряхнул головой, пытаюсь выйти из ступора. Вроде полегчало. Мысли побежали в правильном направлении.

На этот момент главная задача – сообщить Джагдашу о моём бедственном положении. Он ведь перед ноутбуком.

Никаких проблем, нужно просто нажать пару десятков кнопок, ага?

Взглянув в экран ноутбука, понял, что радужные мечты вот прямо так взять и написать послание, растаяли, как легкий дымок в жарком воздухе Аризоны. На ноутбуке у был открыт не текстовый, а графический редактор, в котором Джо усиленно чертил какую-то ломаную кривую. Стандартные обозначения – икс и игрек могли подразумевать под собой все, что угодно.

Задача усложнялась еще и тем, что Джо, впрочем, как и я, не любил тачпад и пользовался выносной мышкой. И не современной беспроводной, а старенькой, «хвостатой». Вот чего его тянет на такие раритеты! Теперь, хоть выдёргивай ее из корпуса со свистом, хоть не знаю, что. Впрочем, знаю. А возьму я потихонечку весь его ноут, да прижму к себе – глядишь, и войдет гаджет в ускоренное временное поле, в мою реальность... Ускорится, вот тогда и напишу послание другу.

Попробовал. Похоже, Сю была права, называя меня фантазёром. Медленно-медленно, так, чтобы ни одной кнопочки с клавиатуры не слетело, изъять ноутбук со стола у Джо получилось. Даже ю-эс-бишное гнездо не повредил, вынимая контакт мышки. Но поместить аппарат полностью в тонкое поле никак не выходило. А вы пробовали работать на ноутбуке, прижав его к животу? Вот-вот. Потому я и не смог на-

печатать ни одной буквы. Да что там буква – даже текстовый редактор открыть не сумел. Идея оказалась нежизнеспособной. Нужно было придумывать что-то другое.

Раздосадованный, положил ноутбук на край стола и уселся в кресло возле стола Джагдаша. Мира по-прежнему грациозно несла ему кофе, а я никак не мог сообразить, каким образом дать знать моим друзьям, что нахожусь здесь. Ну, положим, внезапное исчезновение ноутбука Джагдаш, конечно же, заметит. Сколько времени ему потребуется на удивление и осознание? А сколько нужно просидеть не двигаясь, чтобы они меня увидели? Ну, хотя бы на секунду появиться в их визуальной сфере? Получается, как минимум, пять минут. Совершенно не двигаясь. Дагерротипия какая-то. Ну, попробуем. Стоп!

А вот же на столе у Джо карандаш! Боже мой, чего мудрствовать? Осталось только вынуть лист бумаги из принтера. Спасибо тебе, друг мой, за приверженность к старым аппаратам – в твоём принтере бумага лежит открытой стопкой, а не спрятана в пластмассовое нутро агрегата. Тихонько-тихонько потянул листочек бумаги на себя. Оказывается, получается. Только все нужно делать медленно, с чувством, так сказать, с толком и расстановкой. И тянуть лист за рукой, чтобы его не смяло воздухом. Положил добытую с таким трудом бумагу на стол, прижал ладонями, стараясь погасить возникшую при перемещении вибрацию – бумага вела себя, будто живая. Наверное, ещё ни один лист в мире не передвигался

с такой скоростью. Взял карандаш и стал писать:

– Джо! Это Пит. У меня пробл...

Посреди недописанного слова нежный грифель карандаша не выдержал нагрузки и сломался, прорвав несчастный бумажный лист. Надпись почернела, как будто ее держали над огнем, но слава господу, бумага не загорелась. Все-таки, нужно было писать медленнее. Представляю, что увидит Джо через его секунду времени.. Адовы буквы. Но ничего, он парень стойкий, буддист, да еще и физик. Этот выдержит. А вот где у него точилка для карандашей?

Точилка нашлась в стоящем на подоконнике письменном приборе, рядом с линейками и авторучками. Воспользоваться шариковой ручкой я даже не рискнул – стопроцентная вероятность, что микроскопический шарик не провернется с той скоростью, с какой придется писать. Так что, лучше наточить карандаш. И тоже небыстро, иначе в точилке воспламенится. Вот проблемы-то с этими легковозгорающимися предметами. «Интересно, а если взять в руки спички? – мелькнула шальная мысль. – Надо же. Чувство юмора, оказывается, тоже ускоряется вместе с телом».

А вот за разбитую веранду нужно будет как-то оправдываться. Надо же было так неудачно упасть. Или это можно считать удачным? Еще раз оглядел слегка саднящий локоть и принялся точить карандаш. Мэри закончила шаг и сейчас она, смотрящая на мужа, с чашечкой кофе в руках, выглядела настолько обворожительно, что я невольно позавидовал

их отношениям. Вот почему мне не попадаются такие преданные прекрасные женщины? А встречаются всякие Сю...

Опасения насчет карандаша не подтвердились, поскольку и сам предмет, и точилка полностью вошли в ускоренное временное поле. Как хорошо, что в жизни есть небольшие вещи. Карандаш вполне исправно наточился, и я продолжил:

«Джо! Это я, Пит. У меня проблемы. Я сейчас живу в триста раз быстрее тебя... Меня окружило какое-то ускоряющее поле. Помоги вернуться в наше реальное время. Пиши, что нужно сделать, я потом прочитаю».

Не знаю почему, но записка получилась составленной в каком-то телеграфном стиле. Немного подумал и внизу приписал: *«Патрик С.»*. Потом положил ее на то место, где недавно был ноутбук и стал ждать, когда Джо обратит на нее внимание.

Время тянулось медленно. На фоне ставшего привычным свиста ощущалось биение собственного пульса. Двадцать ударов... пятьдесят... сто двадцать...

От напряженного ожидания затекли ноги, и я присел на стул рядом с рабочим столом. Казалось, что Джо так никогда и не заметит пропажу ноутбука, но, наконец, его проняло. Согнувшись, я наблюдал за его глазами. (Со стороны это могло выглядеть, как если бы прислушивался к скрипу половиц на паркете.) Медленно-медленно, едва заметно его зрачки стали перемещаться, взгляд последовал к тому месту, где ноутбук был прежде, а затем обратно – туда, где он стоял те-

перь. И так же медленно на лице Джагдаша стало появляться удивление.

Конечно, он не мог видеть, как ноут переносился с одного места на другое. Человеческий мозг способен улавливать только те зрительные впечатления, которые длятся дольше, чем одна двадцатая доля секунды. Я переставил компьютер за одну сотую долю, и для Джо это выглядело так, как если бы он просто исчез, а затем вдруг из ничего возник на дальнем углу стола.

Мой друг был явно озадачен. Эмоциональные проявления на его лице стали усиливаться. Но даже в самой высшей точке этого чувства оно не достигло проявлений, свойственных многим другим людям. Просто чуть-чуть приподнялись брови, и раскрылись пошире глаза.

Вообще, он был очень сдержанным человеком, мой друг Джагдаш, и сейчас появился повод в этом лишний раз убедиться.

Потом его взгляд переместился к записке. Удивление сменилось интересом. Читал он и осмысливал секунды три или четыре. Но для меня прошло около пятнадцати минут. В нетерпении я вставал и садился, ходил по комнате, высовывался в окно, чтобы взглянуть на свой дом. А Джо все еще смотрел на записку.

Один раз я положил руку на стол перед ним и держал неподвижно в течение трех своих минут. По-моему, Джо ее заметил, потому что взгляд его медленно переместился с за-

писки на руку, и брови опять стали удивленно приподниматься.

Вообще же, пока я двигался, он не мог меня видеть, так же как и Мэри, которая все еще несла супругу утренний кофе. Для нормальной способности воспринимать зрительные образы я двигался слишком быстро. В лучшем случае мы с Квиком могли представляться людям мельканием каких-то смутных теней.

Джагдаш еще раз удивился, на что у него снова ушло десять или двенадцать моих минут, и после этого начал производить какие-то странные тело движения.

Не сразу понял, что он собирается делать. Медленно Джо перегнулся в поясе, затем под стулом согнул колени и, наконец, откинул назад руки. В этот момент он своей позой напоминал пловца, который приготовился прыгать со стартовой тумбочки в бассейне. В таком положении находился целую минуту. Потом колени стали выпрямляться, руки коснулись стула, шея вытянулась, как у гусака, центр тяжести тела переместился вперед.

Оказалось, он всего лишь вставал со стула.

Вероятно, хотел позвать жену, чтобы сделать ее свидетельницей всех этих чудес, и посмотрел на Миру. Та уже поняла, что происходит неладное, потому как блюдечко с чашкой кофе стало медленно наклоняться, выскальзывая из ее пальцев.

Нет, ну не пропадать же добру! Я аккуратно подошел к

Мэри, очень бережно принял и блюдечко, и чашечку. Еще раз говорю, как здорово, что в мире есть такие небольшие предметы, полностью входящие в мое поле. Синхронизированный с ускоренным временным состоянием кофе слегка плеснулся в чашке, но даже не пролился. Спасибо тебе за кофе, Мэри. Ты настоящая подруга!

С удовольствием прошел к креслу и усадил многострадальное тело в медленно поддающийся поролон. Посижу уж пять минут, даже если и двинусь немного – ну, что ж дагерротип получится нерезкий, всего и делов. Зато Мэри и Джо, возможно, меня увидят и узнают. Самое то – занятие – ничегонеделание под кофе.

Кресло постепенно становилось все мягче и мягче. Приятный аромат кофе ласкал ноздри. Жизнь, на самом деле, вообще хорошая штука. Даже в таком ускоренном состоянии. Так, главное, не шевелиться. Вот уже Джагдаш почти точно смотрит в мою сторону, и на лице его отражается полное недоумение. «Правильно, удивишься тут, – я представил себя на его месте. – Из-под носа пропадает ноутбук, внезапно переносится на край стола, зато вместо него появляется рваная, почти обгорелая бумага с адовыми письменами. Еще раз стоит поблагодарить его религию, приучающую все воспринимать спокойно. Какой-нибудь баптист точно заорал бы о конце света, типа все пропало. А этот через секунду будет вести себя, как ни в чем не бывало. Просто примет тот факт, что условия изменились, вот и все».

Я слегка забылся, увлеченный своими мыслями, и с удовольствием отхлебнул кофе из чашечки. Вот же дьяволыщина, хотел ведь посидеть неподвижно, чтоб ребята меня ясно увидели! Дернулся, явно ведь размылся в их восприятии. Так и за призрак принять можно. Но как не забыться под такой вкусный кофе. Ладно, посижу еще подольше, хоть отдохну от всего этого сумасшествия.

Мэри только что заметила, что у нее из рук пропала чашка. Забавно было наблюдать, как изменяется ее милое личико, постепенно проявляя крайнюю степень удивления. Ох, вот начудил я тут у вас, ребята. Да еще эта бамбуковая стена веранды...

Исправлю все, честное слово. Жаль, что даже если сейчас скажу вслух, то вы не услышите. А писать на бумаге о том, какие вы хорошие – как-то глупо. Вот так приступ нежности накатил. Это все от кофе, наверное.

Двигаться нельзя, совсем нельзя. Да как же это возможно, сидеть без движения? Движение – это жизнь! Ага. Вот именно, жизнь. Если не найти способа выпутаться из этой ситуации, то вся жизнь может поместиться в несколько дней реального мира. Я же не Квик, я-то понимаю, что раз двинусь в триста раз быстрее всех, то и старею именно в той же пропорции.

И тут раздался выстрел. Я был настолько поражен этим, что даже не понял сначала, что выстрел прозвучал в ускоренном временном измерении. Что-то в мире стало еще раз

не так. И это что-то мог сотворить только один человек. Во-ришка по прозвищу Квик.

Ладно, пойдем, посмотрим, что там такое. Главное, медленно и аккуратно, чтоб ничего больше тут у ребят не разнести. Да и очертя голову соваться туда, где стреляют, как бы совсем не комильфо. Поставив чашечку с блюдечком возле ноутбука, тихонько двинулся к выходу. Мэри и Джо усиленно смотрели в пустое кресло. Для их зрения я был еще там.

Прикоснувшись пальцами к двери, дождался, пока она начнет открываться. Главное, все делать медленно. Самая большая беда нынешнего состояния – инерция. Вот эта дверь – она ведь свою инерцию никуда не дела. И если я со своей скоростью открываю ее, получается, сообщаю двери энергию, обязывающую с треском вылететь из петель. Что совсем недавно и произошло в моем доме.

Придержал дверь, заставив ее практически остановиться. Может быть, какая– то остаточная энергия и заставит ее хлопнуть, но с петель не сорвет, точно. Другим и так достаточно разрушительного воздействия со стороны энергичного незваного визитера.

По улице от дальних коттеджей в моем направлении бежал Квик.

– Пит! Пит, она в меня стреляла!

Добродушное лицо воришки было искажено неподдельным ужасом. Надо же. Он впервые назвал меня по имени. Не чувак, не бро, а именно Пит! Так по-дружески. Вот же, подкинула нелегкая такого друга.

– Так. Давай по порядку. Кто, где, когда. Впрочем, когда – не надо, я сам слышал выстрел. Рассказывай.

– Пит. Такое дерьмо! – Алонзо испуганно оглядывался назад, даже не пытаясь вытереть крупные капли, текущие из-под его кудрявых волос по лбу. – Там такое дерьмо!

– Я же говорю, легче парень. Давай, все по порядку. Как будто в школе на уроке отвечаешь. Ты в школу-то ходил?

– Пит, у тебя пива не осталось?

– Алонзо, слушай, вот я тебя совсем не понимаю. То ты бежишь как сумасшедший, то кричишь, что в тебя стреляли, и тут же просишь пива. Это что, сейчас самое важное для тебя?

– Пить хочется... – он сверкнул большими глазами и наконец-то вытер пот со лба.

– Ты можешь объяснить, что случилось?

– Бро, я тебе что, супермен? Я тебе что, Нео из Матрицы? Она в меня стреляла! Понимаешь?

– Понимаю. Что за –«она»?

– Да эта китайка. Кореянка. Вьетнамка, тапкой ее забей. Короче, азиатка из того коттеджа. Не разбираюсь я в них, все они на одно лицо!

– В этом ты не одинок. – усмехнулся, вспомнив утренние размышления на этот счет. – Ничего страшного. Они путают нас, говорят, что это мы – белые, все на одно лицо.

– Я чёрный!

– Ах, да, извини. – произнес, пожалуй, поспешнее, чем требовала ситуация. Не хотелось затрагивать скользкую тему. – Просто уже считаю тебя за брата.

– Да вот такое дерьмо, бро, она в меня стреляла!

– Вот с этого момента, давай, поподробнее. Как она в тебя могла стрелять, если ты ускоренный? Тебя же даже увидеть невозможно обычному человеку!

– Она тоже ускоренная! Правда, – Квик слегка потупился. Немного замедленная...

– Так... – ситуация приближалась к театру абсурда. – Алонзо, ты без меня точно не пил? Так ускоренная или замедленная?

– Ну, тоже быстрая, как мы. Только какая-то ватная. Как будто тормозит малость. И с ней еще два мужика, один тощий, а второй – настоящая горилла. Тоже шевелятся. Чуть помедленнее нас, но шустрые.

– Получается, не только мы с тобой такие ускоренные, что ли? Ты говоришь, есть еще как минимум трое?

– Ну да. Только они ватные. И эта стерва в меня стреляла!

– Из чего стреляла?

– Из пистолета. Медленно так, сволочь, поднимает пистолет, я смотрю – а из ствола пламя – хлопбысь! И пуля летит, Пит! Пуля, ты прикидываешь!

– То есть, ты видел летящую пулю? – во мне разом проснулся исследователь. – Интересно...

– Пит, пожалуйста, пойдем в бар! Подальше от них! Пива хочу. Там все расскажу!

Слышать из уст Квика «Пожалуйста» было не только непривычно, но и крайне странно. Видимо, действительно случилось нечто, из ряда вон выходящее, что поразило до глубины души. А я-то сначала и не поверил, что стреляли в него. Думал, его собственные проделки. Ладно. Джагдаш и Мира озадачены, им теперь требуется время для осмысления всего происшедшего. Пожалуй, вернуться в бар – действительно самое лучшее решение. Тем более, там двери открыты – сегодня воевать с ними больше не хотелось. А за пиво, даст бог, с Василем рассчитаюсь позже. Я же не вор. Вдобавок, становится жарко на улице. По-настоящему жарко. А вот опьянение прошло как-то неожиданно быстро. Интересно, как бы действовал табачный дым на наши ускоренные тела? Я не курю, Алонзо ни разу не обмолвился о такой потребности. И спросить-то не у кого. Разве что, у той троицы из дальнего коттеджа. Но не слишком безопасным это представляется. И с чего бы это им вздумалось стрелять? Час от часу не легче...

Мы пересекли проезжую часть дороги. «Понтиак» успел проехать еще футов двести и сейчас его зад маячил где-то на выезде из городка. Прошагали мимо незнакомой девушки, вышедшей на улицу из ближайшего к бару коттеджа. Красивая, все-таки. Я на мгновение ею залюбовался. Молоденькая, с чистым и свежим лицом, одетая в легкое цветастое платье. Она шла, чуть сощутив глаза с длинными ресницами и смешно вытянув пухленькие губки. Наверное, насвистывала какой-нибудь модный сейчас хит.

Все время Фирма набирает новых сотрудников, по всему институту идут какие-то конкурсы, выявляющие лучших. Появляются новые люди, а вот долгожителей у нас в городке мало. Даже иногда опасаюсь, как бы меня самого не выперли, как утратившего служебные качества. Здесь же все время нужно что-то новое придумывать, осуществлять идеи.

– Квик, пожалуйста, не трогай женщин, а?

– Чувак, ты очумел, какие бабы? Только что, одна из этих дур палила почти в упор! Я их видеть теперь не могу! Не то что... – он на секунду замялся, – Это самое...

Бар Василя рад был приветствовать нас незакрывающимися дверями. Сам хозяин переместился вдоль стойки и с немалым изумлением смотрел на ту полку, где у него совсем недавно стояли шесть банок пива. Полка была девственно чиста. Ладно, Василий, я потом с тобой рассчитаюсь, если будет возможность.

Черт побери это ускорение. Получается – чем быстрее жи-

вещь – тем больше должен всем окружающим. Вот такая философия, и логика в этом присутствует. Но сейчас не о высоких материях. Неужели у Василия нет больше пива, которое можно просто взять, ничего не разрушив? Вот, в витрине есть, явно охлажденное. А попробуй я эту стеклянную дверь открыть, что будет? Заглянул за стойку бара, и с огромным облегчением увидел стоящую на полу упаковку, в которой радовали глаз двадцать четыре баночки. Даже если просто порвать пластиковую упаковку – большого вреда бару не причинишь.

– Холодного хочу, – раздался голос Квика, и я увидел, как дернутая им стеклянная дверь витрины изгибается, покрываемая миллионами трещин. Ну, мать моя женщина! Этот фокус мы с окном проходили!

– Квик! Ты что творишь?

– А че? Пиво беру.

– Ну, а можно не разносить в хлам все вокруг себя?

– Да какая разница, чувак? Они же нас не видят!

Воровская психология Алонзо сбоек не дает. Как в той поговорке – невиновен до тех пор, пока не признают виновным. Вот кому жить просто и хорошо. Ладно, ничего уже не исправить, витрина-то уже рассыпается на мелкие кусочки. А пива и правда, лучше бы холодненького. Что-то не по сезону жаркое утро сегодня. Чуток подождем, пока между разлетающимися осколками можно будет руку просунуть, и вот оно – холодное наслаждение.

– Давай, брат по разуму, рассказывай, кто там в тебя стрелял. Как у вас там говорят, колись.

– А че колоться-то? – облизываясь при виде банок, пробормотал Квик. – Стерва узкоглазая и стреляла.

– Это те, новые охранники, в дальнем коттедже, что ли?

– Бро, какие, к черту, охранники? – снисходительно поинтересовался парень.

– Ну, а кто? У нас в институте они не работают. Один уже в камуфляж оделся. Значит, охрана.

– Слушай, чувак. Ты, конечно, ученый, и все там круто у вас, но ты че, такой тупой?

– Не понял?

– Бро. – выживая банку пива, сообщил Квик. – У охранников не может быть взрывчатки. Понимаешь? А там целый грузовик динамита, или тротила... я не все разобрал!

– Алонзо, ты это... Ты в своем уме? – подумалось, что впечатлительный парнишка вполне способен перепутать, а то и приврать.

– Брателло, я тебе своей черной мамой, которую в глаза никогда не видел, клянусь! Залез к ним в грузовичок, что стоит возле дома, а там несколько ящиков динамита!! И еще какая-то хрень, тоже взрывчатая. Полный грузовик, прикидываешь? Никакие они не охранники!

– погоди, ты хочешь сказать, что эта азиатка стреляла в тебя, когда ты был в грузовике с динамитом?

– Нет, бро. В грузовике меня просто хотел зарезать тот

бородатый. Вот таким столовым ножом. – и Алонзо показал по локоть руки.

Я еле сдержал усмешку. Обычно таким жестом показывают длину... скажем так, совсем не ножей.

– Давай, дальше рассказывай.

– А че рассказывать? Спалился я бородатому, когда в грузовик лез. Ну и за мной. Только он ватный, сечёшь? Ну, как тебе сказать. Не такой крутой. Не такой быстрый, как я. Не Квик.

– И что было дальше? Давай, давай, что, каждое слово из тебя клещами вытаскивать?

– Затем плавненько так подбежала ватная косоглазая баба. Этот чувак с ножом по кузову ползает. Хорошо, что они медленнее нас. Я шуганул, а баба все равно увидела и выстрелила.

– Не попала?

– Попала бы. – он самодовольно осклабился. – если бы не увернулся.

– Ты увернулся от пули?!

– Говорю тебе, бро, все как в Матрице. Когда киношку смотрел, тоже думал, что лажа. Никогда б не поверил, что со мной такое будет. Представь. – Квик сделал страшное лицо. – Выстрел... Вижу вспышку... Вижу пулю, прикинь! Летит, гадость такая, примерно как будто человек бежит. Быстро. Еле уклонился. А она в кирпичный столбик как шарахнет! Я смотрю, бро, а у меня на глазах столбик как будто на-

дувается. – Алонзо открыл банку пива и жадно присосался к ней. Он пил и пил, запрокинув голову и смешно подергивая кадыком, пока не выцедил всю, до последней капли. Потом громко рыгнул, с хрустом смял банку в кулаке и, отбросив ее в сторону, с дрожью в голосе сказал: – Прикинь, а если б она в меня попала? Я бы тоже так надулся сначала, да? А потом лопнул?

Трудно было сдержать смех, глядя на незадачливого во-ришку, хотя серьезность ситуации стала доходить и до меня.

– Чего смеешься, бро? – обиделся парень. – Я вот тоже не думал, что увижу, как кирпич вскипает. И знаешь, совсем не хочу видеть это снова.

– Ладно, не бери в голову. Давай подумаем, как нам выпутаться из этой чертовщины. С чего-то ж мы ускорились, значит, чем-то можно и замедлиться, так?

– Ага. Мы замедлимся, и тут рванет грузовичок динамита. – Алонзо впервые казался обеспокоенным еще чем-то, кроме себя, любимого.

– Давай предположим, что тут ты прав. Ну и, как считаешь, где этот грузовичок рванет?

– Да че там думать? – уверенно произнес парень. – Вот она, плотина Гувера, рядом! Они спустят все воды Колорадо в долину!

–То есть, ты считаешь, что эти люди – никакие не охранники, а террористы, что ли? Ну, сам подумай, кто бы их пустил в наш городок?

– Слушай, ну вот ты – ученый, да? Вот скажи, чего это вы все, ученые, такие тупые, а, бро? Я вот не ученый, но ни у кого разрешения не спрашивал!

Квик обиженно отвернулся от меня, а я только сообразил, что до сих пор держу неоткрытую банку пива. А может, и не открывать? Что-то многовато сегодня уже этого пенного напитка. Тем более, во рту еще остался приятный привкус кофе, которым невольно попотчевала Мира. Может, и прав Алонзо, но что-то тут не так. Ну, не могут террористы внаглую обитать посреди полурежимного объекта. Не верится в это. А грузовик с динамитом – вообще сказка. Кто сейчас пользуется динамитом-то? Слишком опасно. Я бы, может, еще поверил в пластид, но Квик, похоже, даже такого слова не знал. Что-то тут не то. Нужно самому проверить. Интересно, Джагдаш уже очухался от шока с телепортирующим ноутбуком? А ведь, кроме него, вряд ли кто сможет помочь мне и Алонзо.

– Слушай, брат. – я попытался подстроиться под манеру разговора своего виз-а-ви. – Такое дело, сам понимаешь, встряли мы с этим ускорением, как не знаю кто. Все равно надо знать, как замедлиться. Есть один человек, который может нам помочь.

– Бро, а ты уверен, что оно нам надо? Быть быстрым круто!

– Круто, Квик. Только у нормальных людей пройдет несколько месяцев, а мы с тобой просто состаримся и по-

мрем. – буркнул я недовольно и не особо задумываясь над своими словами. Настроение в тот момент было паршивым.

– Э... – выпучив глаза, он забыл о пиве. На отвисшей нижней губе медленно таяла пена. – Это че? Ты что это сейчас сказал?

Я быстро произвел в уме подсчеты, и настроение упало до нуля. Впервые пришло в голову, что, в сущности, человеческий век не так уж долгов – всего каких-нибудь восемьсот месяцев. А поскольку я жил как минимум в триста раз быстрее, оставшиеся пятьдесят лет пролетят всего за два или два с половиной месяца нормального времени. Сейчас был конец июня, а к середине сентября буду уже глубоким стариком и умру.

Но вместе с тем для меня самого – для внутреннего ощущения – это будут полных пятьдесят лет со всем тем, что образует человеческую жизнь. С надеждами и разочарованиями, с планами и их исполнением. И все это пройдет в полном одиночестве. Ведь нельзя же считать общением те записки, которыми я смогу обмениваться с неподвижными манекенами – людьми...

Пока рассуждал сам с собой, Квик сидел напротив и все еще ожидал ответа. Застывший в его глазах немой вопрос показался укором...

– Ну, мозги-то включи. – я невольно перешел на понятный парню язык. Психологи говорят, что надо «зеркалить» собеседника, чтобы тот лучше усваивал информацию. – Ес-

ли ты живёшь быстрее их, то и копыта отбросишь быстрее. Чего непонятного-то?

Эти слова ввели Квика в состояние ступора. Он сел прямо на пол бара, подогнув под себя ноги, словно был заправским буддистом, и начал медленно раскачиваться, держа в руках только что начатую банку пива. Таким задумчивым бедного воришку я еще не видел. Почему-то вспомнились фотографии знаменитого Сенола Зорлу. На многих его снимках можно заметить столько же неземной печали, излучаемой сейчас карими глазами Алонзо.

– Мы точно умрём, бро?

Стало по-настоящему его жалко и одновременно очень стыдно за свое поведение. Я не нашел ничего лучшего как пуститься в пространственное философствование.

– Квик, все умирают. За всю историю человечества не умер только один человек. Агасфером его зовут. Ну, вот и представь – похоронил он всех близких. Детей. Внуков. Правнуков. Узнал все на свете. Но самое страшное-то не в этом. Представь, человечество тоже не вечно. Вот исчезло человечество. А он жив. Земля сгорела в расширившемся Солнце. А он все равно жив. Все галактики исчезли, все сошло на нет, а он все равно жив. Один. Представляешь? Вечная жизнь – намного страшнее смерти!

– Она в меня стреляла.

Глубины философии сегодня для Квика недоступны. Но умирать в ближайшее время, похоже, ему не очень хотелось.

– Пойдем, брат, посмотреть, что ответил на записку мой друг. Он хороший физик. Я ему послание оставил, пока в тебя стреляли. – я немного приврал, поскольку во время визита к Джагдашу вообще не брал в расчет проблемы Квика. Своя рубашка, она, как ни крути, все равно ближе к телу.

– Это что, обратно к тому коттеджу? – насторожился парень.

– Да не бойся ты. Ближе. Сам же говоришь, мы быстрее.

– Ой, не знаю, бро...

– Пошли, не бойсь. Только девок не щупать, договорились?

– Да какие, к чертям, девки, чувак. В меня сегодня стреляли, понимаешь? Черным к этому не привыкать, когда такое случается впервые – становится неудобно...

По всему было заметно, что бедняга Квик крайне потрясен вновь пережитым опытом. Нет, ну то, что в него стреляли, несомненно, было правдой. Я же сам слышал. Хотя, может и не в него палили, а просто в воздух, чтобы припугнуть. Парень трусоват, и приврать не прочь. Надо же, грузовик динамита придумал. Понятно, что лучшее обоснование трусости – именно преувеличение опасности. Но что-то он там натворил, несомненно. Ладно, оставим выяснение обстоятельств на потом – никто же за ним не гонится. Сейчас важнее всего узнать, что ответил Джагдаш. Честно говоря, это был единственный шанс на спасение. Наш с Квиком шанс.

– Пойдем, Квик, чего расселся?

– Ну, пошли, бро... – парень тягостно вздохнул. Приблизиться к месту конфликта ему явно не хотелось.

«Интересно. Надо будет потом, после того, как увижу, что пишет Джо, навестить этих ребят из дальнего коттеджа, хоть они и вооружены. Не будут же они сразу стрелять? Квик говорит, что они медленнее нас – это очень странно. Хотя...» – для начала решил проверить одну, пришедшую на ум догадку.

– Секундочку, Алонзо! Давай-ка поближе к этому шарик у станем. – я кивнул на купол энергоустановки. До него

от бара была сотня ярдов, не больше. Точнее до охранного КПП. Как ни крути, а у нас полурежимный объект. Без пропуска не пройти.

– Нафига тебе это, чувак? – плохие новости совсем придавили Квика, он казался сонным и заторможенным.

– Посмотреть хочу.

– Чего смотреть-то, бро? Отсюда что ли не видно?

– Да одна мысль весь этот день в голове крутиться.

– Это плохо, бро. Понимаю тебя. – со знанием дела протянул Алонзо. – Много мыслей в голове – это не жизнь, а сплошное мученье.

Сейчас совсем не хотелось растолковывать, что я имел ввиду совсем другое, поэтому коротко скомандовал:

– Пошли!

Когда мы поравнялись с КПП, я поискал взглядом свой коттедж. Отсюда хорошо просматривалось окно спальни на втором этаже, а также крыша гаража, где сегодня утром произошло знакомство с Квиком. Коттедж с азиатами отсюда виден не был. Его как раз закрывал мой дом.

Мысленно я провел прямую линию, соединяющую гараж, спальню и купол нашей энергоустановки. Даже отбежал от КПП, чтобы посмотреть на это со стороны.

Да, конечно, это было так. Прямая линия, мысленно проведенная через заднюю стенку гаража и через то место в спальне, где стояла моя постель, уходила дальше к зданию, в котором помещался атомный реактор.

Какой-то узконаправленный луч вдруг исторгся оттуда и изменил скорость всех жизненных процессов для меня и для моего спутника. Но почему? Что за луч? Как проник он сквозь мощные защиты, которые задерживают и потоки нейтронов, и все опасные излучения, сопровождающие реакцию деления урана?

И тут вспомнилось о том, что видел вчера ночью. Маленький светящийся шар, похожий на медузу. Шаровая молния... Шаровая молния, которая вчера ушла в крышу здания как раз в том месте, куда я прочертил свою воображаемую прямую!

Неужели здесь возможна какая-нибудь связь?

Несколько мгновений вспоминал все, что знал о шаровой молнии.

Дело в том, что она представляет собой одну из тех загадок, решения которых еще не знает современная наука. Шаровая молния обычно движется по ветру, но бывали случаи, когда она летела и против потока воздуха. Внутри шара господствует чрезвычайно высокая температура, но в то же время молния скользит по диэлектрикам, таким, например, как дерево или стекло, даже не опаливая их. Случается, встретив на пути человека, молния обходит его, как будто токи, излучаемые живым организмом, преграждают ей дорогу. В настоящее время многие считают, что шаровая молния – это и не молния вовсе, а ионизированное облако плазмы, то есть газа из ядер и сорванных с них электронов.

Если это так, природа в своей собственной лаборатории уже осуществила то, над чем бьются сейчас виднейшие умы науки. Термоядерный синтез! Этим же последние два года как раз и занимался отдел Джагдаша! Кажется, я был на верном пути.

Могло ли получиться, что, взаимодействуя с процессом деления урана в реакторе нашей электростанции, плазма шаровой молнии образовала какое-то новое излучение?

При мысли о том, что мы находимся на пороге открытия неизвестного прежде вида энергии, я почувствовал, как покраснели щеки и лихорадочно забилось сердце.

Новый вид энергии! Лучи, ускоряющие ход времени!

Я вспомнил об опытах русского профессора Вальцева, которыми было доказано, что под влиянием радиоактивного облучения резко сокращается срок созревания плодов на яблоне. Вспомнил о подобных работах наших коллег из Брукхейвенской Национальной лаборатории в Аптоне. И это только то, что публиковалось в открытом доступе. Насколько же тогда могли продвинуться засекреченные разработки в этой области?

– Что ты бегаешь как подстреленный белый заяц, а? – вывел из раздумий голос Квика.

– Почему белый? – спросил невпопад, будучи еще под впечатлением от догадки.

– Ну, не черный же! – захохотал Квик.

Дал парню вволю насмеяться. Ведь не зря медики гово-

рят, что минута смеха добавляет сколько-то дней жизни. В нашем положении следовало бы вообще смеяться, не переставая. Вообще-то ржал Алонзо заразительно. Я почувствовал, что настроение улучшается и, улыбнувшись, сказал.

– Что, лавры Эдди Мёрфи покоя не дают? Хочешь загадку, юморист ты наш?

– Давай, бро. – весело откликнулся Алонзо, – Видел бы ты свою физиономию с минуту назад!

Я решил по скорее сменить тему и, подбирая простые слова, сказал:

– Смотри. Вот на этом куполе, который сейчас практически над нами, я видел зеленое пятно, из него потом сверкнул лучик. Прямо вот туда. Вот смотри, вон там – моё окно... Там был я. Как раз под ним дверь гаража – там был ты. А дальше, за моим коттеджем, что?

– Ну, та хибара, где в меня стреляли. И, че?

– Алонзо, ты ничего не понял? Мозгуй, переваривай, инфу.

– Это че, бро... – он снова выпучил глаза. – Ты толкуешь, что нас с тобой облучили, что ли? Мы сдохнем? Мы облученные!?

– Я тебе уже говорил, что в конце концов умрут все. Чего тут бояться? Другое хочу показать. Ты говоришь, что азиаты медленнее тебя, так?

– Ну да. Ватные такие.

– А почему они такие? Думай!

– Им че, меньше облучения досталось, бро? Твой дом помешал? – он смешно почесал затылок. – А их дом еще дальше, что ли?

– Умница, Квик! Честное слово, ассистентом тебя возьму на работу, если мы из этой заварушки выпутаемся! Только ты ж половину лаборатории вынесешь...

– Бро, я вор, но не крыса. – Квик насупился, а мне стало по-настоящему смешно. И, почему-то, я его сразу зауважал. Кодекс чести у этого парня все-таки имелся.

На улице было все также жарко и скучно. Точнее, еще немного жарче. Над миром вставал новый день, но это восстание казалось нам с Алонзо таким медлительным, что даже плакать хотелось. «Понтиак» с обворованным джентльменом и его рыжеволосой красавицей со скоростью минутной стрелки пытался скрыться за поворотом дороги, и почему-то было совершенно наплевать на то, что обчистил их именно Алонзо. Видимо, в условиях ускоренного существования морально-этические нормы постепенно мельчают. Или остаются в прошлом. Или мгновенно пересматриваются – человек, ведь, очень гибкое существо, подверженное всяческим флуктуациям. Что вчера представлялось отвратительным, невозможным и неприемлемым, сегодня уже может оказаться способным принести удовольствие. Вот, сейчас, если так разобраться, то мы с Квиком на пару ограбили бар Василя. Есть какая-то гарантия, что мы вернем ему честно взятое? Со стороны Алонзо, точно нет. А с моей – ну, может быть.

Как некстати вспомнилось о баре... В желудке урчало от голода.

– Квик, слушай, а ты в баре ничего не прихватил из еды?

– А как-же, – Алонзо расплылся в довольной улыбке, извлекая из недр своей необъятной майки упакованную в пластиковые контейнеры кесадилью, куриную ветчину и две банки бобов со свиной.

– Тебе не кажется, что нас слишком сильно тянет на по-жрать, Квик? Совсем недавно же перекусывали. – задумчиво рассматривал съестные припасы, автоматически отметив, что потихоньку перехожу на жаргон Квика. Вот этого бы не надо, наверное. А кушать хочется.

– Да, делов-то, бро. Жратва вот она. – Квик быстро откупорил банки с бобами, усевшись прямо на бордюр, зашуршал упаковкой с кесадильей. Аккуратно сделать это у него не получилось, но я, уже начинающий привыкать к нашему ускоренному существованию, без всякого труда поймал вылетающий из пакета кусочек. Алонзо уже аппетитно макал кесадилью в бобы, предусмотрительно зажав банку в руке. Правильно. Так ускоряющее поле охватит ее всю. И содержимое окажется в нашем временном измерении.

– Смотри, жуй быстрее. А то задавит, – пошутил я, кивнув на показавшийся в конце улицы огромный красный грузовик.

– Не успеет, – флегматично отозвался парень, с видимым удовольствием запихивая в рот кусок тушеной свинины. Я в

очередной раз поразился быстрой смене его настроения. Вот только же недавно паниковал. Кричал, что в него стреляли, а сейчас спокойненько сидит на краю дороги и за обе щеки уплетает ворованную еду. Это же невозможно! Наверное, ни для кого невозможно, кроме Квика. А овощная кесадилья вприкуску с бобами, наверное, самая лучшая в мире еда. Даже не понимаю, почему я раньше так не питался. Или это в ускоренном состоянии происходит переоценка вкусовых ощущений? Ладно, спросить не у кого. Вот, разве что, одиноко бредущую по тротуару девушку, ту самую незнакомку, что недавно выпорхнула на центральную улицу. Красивая, конечно. Вот бы с ней поговорить. Но сейчас это невозможно – мы существуем в разных мирах.

Тихонько вздохнул, мысленно хороня хорошие манеры, подцепил пальцем кусочек свинины и последовал примеру блаженствующего Квика. Вкусно! Но надо идти к Джагдашу – только он может прояснить ситуацию. А там Мира в домашнем халатике. А теперь еще и Алонзо с собой тащить. С его-то моральными устоями... Вот, тоже, проблема на проблеме.

Все решилось неожиданно просто:

– Бро, слушай, давай я не пойду к твоему другу? На стрёме постою. А вдруг та дура ускоглазая нарисует, что в меня стреляла? Да и воровать у твоего кореша как-то западно...

Последним аргументом Квик сразил напрочь. Я что, уже криминальный авторитет? Но складывающаяся ситуация ме-

ня вполне устроила.

– О-кей, давай тогда, ты вот здесь, на веранде тихо посидишь? Если что, за дверь прячься – я автоматически отметил, что открытая дверь висит на петлях, хотя, стопроцентно хорошенько хлопнула – в воздухе возле петель висели два облачка пыли. Правильно, кто пылесосит дверные косяки? Да никто! А пыль – она вездесуща. Проникает в самые мельчайшие поры.

Занятый этими размышлениями, вошел в дом.

Честно говоря, ожидал всего, но только не того, что ответное послание окажется на том же листе бумаги.

Джагдаш склонился над столом с карандашом в руке, а Мира, полуобернувшись, стояла с испуганным видом у двери. В руке держала пустую чашку из-под кофе. Да уж, испугаешься тут. Сначала из твоей руки нечто выхватывает чашку, потом она материализовывается ни пойми откуда на подоконнике и, что самое невероятное, уже будучи пустой. Я бы на месте хозяев уже бежал за ружьем. Хотя, какое ружье? Его у них, отродясь не было.

С такими сумбурными мыслями я осторожно приблизился к Джо и осторожно заглянул через плечо.

Он как раз заканчивал последнюю фразу.

«Пит, пожалуйста! Оставь свои фокусы. Объявись. А то все-таки несолидно. Мешаешь рабо...»

– Фокусы?! – это не на шутку раздосадовало. – Все, что я пережил и перевидел за это долбанное утро, по его мнению –

не более, как фокусы. Ну, хорошо же! Сейчас я тебе покажу, что это за фокусы.

Несколько мгновений крутился по комнате между застывшими Джагдашем и Мирой, совершенно растерянный и сбитый с толку.

– Возьми себя в руки, Пит – строго скомандовал себе и тут же ответил: – А я сам поверил бы, если б получил от приятеля записку, будто он живет в другом времени?

«Ладно, начнем сначала».

Уселся за стол рядом с Джо и просидел неподвижно минут пять. В тот первый визит к ним я постоянно крутился, и друзья, скорее всего если что и видели, так только расплывчатую тень. Они едва ли тогда смогли меня идентифицировать.

Сидел как истукан, стараясь реже моргать. Единственное, чего реально опасался, так это появления уставшего ждатель Квика. Тогда все будет испорчено. Уже готов был сдаться, когда адски зачесался нос, но в позах друзей что-то неуловимо изменилось.

Они оба меня увидели. Сначала Джо, затем Мэри. Я буквально прирос к стулу и затаил дыхание.

Джагдаш стоял у стола, чуть согнувшись, и дописывал послание. Потом тело его стало выпрямляться, а голова поворачиваться в мою сторону. Впрочем, еще раньше ко мне медленно обратились зрачки.

Он выпрямлялся минут пять или шесть, а может быть, даже все десять. За это время на лице его сменилась целая гам-

ма чувств. Удивление, затем едва заметный испуг, и, наконец, недоверие.

Все-таки поражает выразительность человеческого лица. Чуть-чуть расширенные глаза – может быть, на десятую долю против обычного – и вот вам удивление. Прибавьте к этому чуть опущенные уголки рта – и на вашем лице будет испуг. Совсем слегка подожмите губы, и это уже недоверие.

Удивление и испуг сменились у Джо довольно быстро, но недоверие прочно держалось на лице. С ним он не расставался минут пятнадцать, стоя, как окаменелый, и у меня от неподвижного сидения заболела спина.

Затем он стал бесконечно медленно поднимать руку, видимо, желая дотронуться до меня, убедиться, что это не мираж.

А Мэри просто испугалась. Широко открылся рот и расширились глаза. Раньше она стояла вполоборота, затем приостановилась и опять стала поворачивать голову ко мне. Выражение страха с ее лица не уходило. Подумалось, что она все-таки уронит эту злополучную чашку.

Рука Джо медленно, почти так же медленно, как двигается по траве тень от верхушки высокого дерева, приближалась к моему плечу.

Вообще он казался не совсем живым, и это впечатление как раз усиливалось оттого, как он двигался. Странно, но это так и было. Медлительность движения как раз подчеркивала всю необычность обстановки. Если бы мои друзья вовсе не

двигались, они были бы похожи на манекены или на хорошо выполненные раскрашенные статуи, и это так не поражало бы.

Время тянулось безумно долго. Я закрыл глаза. Вдруг очень захотелось спать. Похоже, утомляемость наступала скорее, чем при нормальных условиях. На мгновение мелькнула мысль улечься здесь же. Если проспять часов пять, Джагдаш с супругой могли бы меня хорошенько разглядеть.

Но потом почему-то стало страшно ложиться здесь, в кабинете на диване. Ужасно глупо, но почудилось, что эти две почти неживые фигуры, воспользовавшись сном, свяжут меня, и, что связанный, я даже не смогу им ничего написать.

Открыл глаза. Похоже, стали шалить нервы...

Потом его рука коснулась плеча. Чтобы как-то отвлечься я принялся считать время по пульсу. Двадцать пять ударов, еще двадцать пять... Две минуты, три, четыре...

От напряжения начал болеть еще и затылок, тело давно задеревенело, но я стоически старался сидеть неподвижно.

Удивительно выглядел процесс восприятия ощущения, так растянутый во времени.

Рука Джо, наконец, легла на мое плечо. Но он еще не успел ощутить этого: на лице сохранялось то же выражение, что и пять минут назад, хотя рука уже держала меня.

Я считал секунды. Вот нервные окончания на пальцах Джагдаша ощутили мою кожу. Вот сигнал пошел по нервному стволу в мозг. Вот где-то в соответствующем центре по-

лученная информация наложила на ту, которую уже дал зрительный нерв. Вот приказание передано нервам, управляющим мускулами лица.

И он улыбнулся! Процесс распознавания закончен.

Вернее, не совсем улыбнулся. Только чуть заметно начали приподниматься уголки рта. Но достаточно, чтобы выражение лица уже переменялось.

— Черт возьми! — чуть не вскочил с места от пришедшей в голову идеи. — Я же сейчас присутствую при замечательном опыте. При опыте, доказывающем материальность мысли. Я двигался и вообще жил быстрее и поэтому быстрее мыслил. А Джо жил нормально, и в полном соответствии с остальными процессами протекало его мышление.

Затем взгляд друга погас. Я даже не успел уловить, когда это случилось. Но слово «погас» очень точно передает то, что произошло. Как будто кто-то у него внутри выключил лампочку. Он все еще смотрел на меня, но глаза стали другими. В них что-то исчезло. Они сделались тусклыми.

И голова начала поворачиваться в сторону. Как будто он обиделся.

Только минуты через четыре я понял, что он просто хочет убедиться, видит ли то же самое Мэри.

Но удивительно было, как погас взгляд. Сразу, как только он начал думать о жене и на мгновение соответственно перестал думать обо мне, взгляд, все еще направленный на меня, переменялся. Сделался безразличным. То же самое глазное

яблоко, тот же голубовато-серый зрачок с синими радиальными черточками, но глаза стали другими, совсем не похожими на прежние.

Что там могло произойти, когда исчезла мысль? Ведь не изменился же химический состав глазного яблока? Я на секунду пожалел, что образования явно не хватает, чтобы хоть чуточку приблизиться к пониманию этого процесса.

Может быть, стоило посидеть еще немного, чтобы Мира могла подойти и тоже убедиться в том, что я существую. Просто начал переживать за Квика, не говоря уже о том, что затекло все тело. От кончиков пальцев на ступнях, до шеи.

В кабинете Джагдаша я в общей сложности пробыл около двух часов. Ни о каком непосредственном общении, конечно, не могло быть и речи.

За эти два часа Джо окончательно повернулся к супруге, поднял руку, подзывая ее, и повернулся к тому месту, где меня уже не было. А Мэри сделала несколько шагов от двери к столу. И все.

Для них мои два часа были двенадцатью секундами.

На бумажке я приписал для Джагдаша еще одно слово: «Пиши». И вышел, осторожно притворив дверь.

Мой молодой поделщик, так горячо вызвавшийся «постоять на стреме», безмятежно спал прямо на полу веранды. Я, признаться, ему очень позавидовал и без сожаления потряс за плечо.

– А! Что! – парень вскочил на ноги с завидной быстротой,

и пришлось его даже придержать. Иначе бы он окончательно разнес веранду.

Я решил пока что ничего не говорить Квику, но он сам спросил, как только окончательно проснулся:

– Бро? Есть хорошие новости?

Посмотрев на него, я отрицательно покачал головой.

– Понятно, чувак. Ладно, будем выкручиваться сами.

И я в несчетный раз удивился мировосприятию Алонзо Мозли. Жизненная философия этого чернокожего паренька начинала нравиться все больше и больше.

– Наверное, придется самим – согласился я. – Слушай, а давай к тем ребятам сходим, в дальний коттедж? Может, у них что удастся узнать?

– Бро, ты че, офигел? Они в меня стреляли!

– Ну, давай так. Ты ведь, явно, пытался у них что-то украсть. Потому и стреляли. В меня-то они стрелять не будут? Я ведь ни при чем?

– Чувак, ты, конечно, повернутый на своей науке. Я повернутых уважаю, но нет, бро. Обратно туда я не пойду. И тебе не советую. Но если хочешь рискнуть жизнью – твоё дело. Давай, подожду тебя здесь?

– Давай, тогда в моем доме? Там в комнате кондиционер. – на всякий случай, решил отвести Квика подальше от Джагдаша и Миры. Ничего хорошего соседство с ним для ребят не обещало. Да и вправду, становилось всё жарче и жарче. Ой, надо будет еще раз пересмотреть график Джагдаша. Что-

то мне очень не нравилось в этой бумажке.

– Ну, погнали, – как обычно, легко сменил настроение Алонзо, и мы направились к моему коттеджу. Солнце, повисшее над границей Аризоны и Невады, жарило немилосердно. Выбитая дверь, насмерть загрызшая газон, производила неизгладимое впечатление. Красота.

Мы с Квиком поднялись в комнату, и я еще раз убедился в правильности догадки: вот окно, в которое виден купол энергоустановки. Вот, в стене напротив, другое окно, с видом на террасу подозрительных охранников. «О, а стекло-то уже осыпалось. Весёлою горкой мелкой крошки лежит на полу. Хоть раскрась, да в калейдоскопы насыпай, глядишь, и бизнес получится на детской радости. Вот фантазирую-то. А что в реале? А в реале – как раз под нами – гараж, где я нашел Алонзо. Так хочется поднять мотоцикл, но брать такую массивную штуку в ускоренном состоянии – страшно. Правильно сделал, что тогда не тронул его. Ладно, пусть отлежится мой верный конь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.